

Томас ЖАНВЬЕ

СОКРОВИЩНИЦА АЦТЕКОВ

Томас Жанвье

Сокровищница ацтеков

«ВЕЧЕ»

1890

Жанвье Т.

Сокровищница ацтеков / Т. Жанвье — «ВЕЧЕ», 1890

Знак информационной продукции 12+Случайно узнав о месте хранения несметных сокровищ ацтеков, археолог и исследователь Томас Пэлгрейв набирает команду смельчаков. Для одних это путешествие представляет научный и духовный интерес, другими движет неутолимая жажда золота. Но на пути к сокровищнице их подстерегает множество опасностей и ловушек. Потомок французских эмигрантов Томас Жанвье (1849–1913) был известным американским журналистом и историком. Из многочисленных путешествий он привозил материалы для своих научных работ и приключенческих романов, пользовавшихся большой популярностью.

© Жанвье Т., 1890

© ВЕЧЕ, 1890

Содержание

Пролог	6
I. Фра-Антонио	8
II. Тайна кацика	13
III. Рукопись монаха	18
IV. Посланник Монтесумы	22
V. Инженер и грузовой агент	27
VI. Царский символ	32
VII. Битва в ущелье	37
VIII. После битвы	40
IX. Пещера мертвецов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Томас Жанвье

Сокровищница ацтеков

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Пролог

«Господь посылает орехи тем, у кого нет зубов». Эта испанская пословица, намекающая на парадоксальность жизни, пришла мне в голову, как раз когда я сел писать эту книгу.

По натуре я кабинетный труженик, очень любящий покой и порядок. Но есть во мне особая жилка, заставляющая меня, не останавливаясь даже перед суровыми и опасными испытаниями, идти дальше книжных познаний, в свое удовольствие предаваться отвлеченным размышлениям и в то же время наблюдать людей и вещи в самой жизни, а не с книжных страниц. Мне приятно доискиваться до истины в первоначальных источниках, а не довольствоваться тем, что выдают за истину, которая в действительности представляет собой только обрывки подмеченных другими фактов, обрезанных и отполированных по-своему. Именно благодаря этой привычке мне удалось собрать много нового неизученного материала, подобного гуде природных кристаллов, и в этом отношении я был счастливее многих современных исследователей. Говорю это вовсе не из пустого тщеславия, но ради правильной характеристики моих ученых трудов, с чем, вероятно, согласятся и другие, когда я издам большое сочинение, уже почти готовое к печати, над которым работал последние десять лет, включая время подготовительной работы и непосредственных открытий. Могу смело сказать, что появление книги «Условия жизни на североамериканском материке до Колумба» профессора Томаса Пэлгрейва, доктора философии, произведет полный переворот во взглядах на американскую археологию и этнологию.

Я говорю, что посвятил этому делу десять лет, но вернее сказать – оно занимало меня целых сорок лет, так как первоначальная идея родилась у меня, когда я был еще шестилетним ребенком. Прежде чем мой разум стал усваивать прочитанное, мое воображение уже воспламенилось страницами Стефенса о чудесах, открытых этим исследователем в Юкатане. Я до того увлекся, что захотел подражать ему и пойти несравненно дальше, до тех пор, пока мне не удастся открыть всю историю удивительной расы, чьи громадные сооружения были найдены им, хотя ее происхождение так и осталось для него загадкой. И эта мечта ребенка сделалась делом жизни взрослого человека. Во время обучения в Гарвардском колледже, а потом в Лейпцигском университете мои занятия были главным образом направлены на осуществление этой цели. Больше всего старался я заниматься иностранными языками и основательно изучить те разделы археологии и этнологии, которые имели прямое отношение к интересовавшему меня предмету. Позднее, в течение тех десяти лет, когда я занимал – надеюсь, с пользой и не без успеха – кафедру высшей лингвистики в Мичиганском университете, все свободное время я посвящал исключительно изучению языков коренных рас Мексики и того немногочисленного, что я мог отыскать в книгах относительно их социального строя, образа жизни и древних памятников культуры. Затем я познакомился по переписке с самыми замечательными мексиканскими археологами с покойным Ороско-и-Берра, Икасбальсетой, Чаверо и филологами Пиментелем и Пеньяфилем. С американским археологом Банделье я имел честь познакомиться лично; научная важность его открытий в истории первобытных народов Мексики ставит сочинения этого автора выше всякой похвалы. Изучая произведения таких великих ученых, а также другие книги по своему любимому предмету, я значительно расширил круг познаний и наконец решил, что могу приступить к непосредственным исследованиям, к которым терпеливо готовился столько лет.

Хотя до тех пор я вел спокойную жизнь кабинетного ученого, у меня действительно не оказалось зубов для разгрызания орехов, добытых мной во время удивительных приключений, о которых я собираюсь рассказать. Я подвергался множеству опасностей. Время, которое я охотно посвятил бы мирному и серьезному научному труду, я потратил на тяжелые и бесполезные битвы с дикарями, но досаднее всего то, что множество любопытных и редких экзем-

пляров черепов, которые я охотно присоединил бы к моей краниологической коллекции, было непоправимо испорчено моими же собственными руками во время неизбежной самозащиты.

На следующих страницах я расскажу по порядку о моих необыкновенных похождениях в сообществе с Рейбёрном, Янгом, фра-Антонио и мальчиком Пабло в то время, когда мы искали и наконец нашли громадный клад, спрятанный в удивительном тайнике среди мексиканских гор более тысячи лет назад Чальзанцином, третьим королем ацтеков.

І. Фра-Антонио

Легко было у меня на сердце, когда я стоял на палубе корабля, окутанный холодной мглой октябрьского утра, и увидел за темно-зеленой полосой моря и бурой линией побережья снежный пик Орисавы, блестящий в первых лучах восходящего солнца. Потом, когда солнце поднялось выше, вся тропическая растительность на берегу и коричневые стены Вера-Крус с его бастионами и фортом Сан Хуан де-Улуа засияли передо мной, залитые ярким светом, что показалось мне счастливым предзнаменованием.

Но еще веселее стало у меня на душе неделю спустя, когда я поселился в прекрасном городе Морелия и собрался приступить к делу, к которому готовился (сначала бессознательно, а последние десять лет сознательно и с большим тщанием) почти целую жизнь.

Я решил, что Морелия будет самым лучшим началом для осуществления задуманных мной действий. Моей главной целью было отыскать следы первобытной цивилизации самых изолированных индейских племен, чтобы (из обломков, найденных таким образом и соединенных вместе с помощью того, что мне удастся открыть) на основании сделанных открытий относительно религиозного и гражданского строя этого народа воссоздать, насколько это возможно, интересный языческий мир, разрушенный испанскими победителями. Нигде мои поиски не могли быть так успешны, как в штате Мичоакан (столицей которого является город Морелия) и в примыкающем к нему штате Халиско. В этих областях до сих пор существуют племена, только номинально подчинившиеся европейцам и в значительной степени придерживающиеся своих прежних обычаев и языческих верований, которые, однако, представляют теперь любопытное смешение с христианскими догматами. В самом деле, независимость индейцев в этих штатах уникальна, в Мексике даже сложилась поговорка: «Свободен как Халиско». Кроме того, Морелия – город богатый памятниками старины. Архивы францисканского церковного ведомства, имеющего здесь свой центр, простираются в глубь времен до 1531 года; архивы мичоаканского епископата доходят до 1538 года, а коллегии святого Николая – до 1540 года, кроме этого, в недавно открытом мичоаканском музее собран уже богатый запас археологических материалов. Одним словом, во всей Мексике не было места, более удобного для моих занятий и исследований.

Один мой товарищ – археолог в городе Мексико снабдил меня рекомендательным письмом к директору музея, замечательному ученому, доктору Николасу Леону. В письме он дал мне лестную характеристику, так что я встретил самый любезный прием и с первого же дня моего приезда в чужой город очутился среди друзей. Меня приняли необыкновенно радушно, с радостью делились со мною своими сведениями и обещали деятельную помощь в моем предприятии.

В тихом уединении музея я рассказал одному из его членов, которому был специально рекомендован директором, дону Рафаэлю Морено, о своих намерениях, а также объяснил, какими путями надеюсь достичь цели.

– Конечно, – заметил я, – среди свободных индейцев в здешних горах можно найти немало людей, сохранивших во всей чистоте свои обычаи, склад мыслей и религию.

Дон Рафаэль утвердительно кивнул головой.

– Фра-Антонио уверял меня в этом, – задумчиво ответил он.

– Ваш знаменитый соотечественник, сеньор Ороско-и-Берра, – продолжал я, – утверждает, что многие темные места в истории первобытных времен могут быть выяснены, заблуждения рассеяны и многие интересные истины открыты тем, кто решится сойтись с индейцами, присмотреться вблизи к их образу жизни и тщательно запишет все, что ему удастся узнать из непосредственного источника.

– Фра-Антонио высказывал ту же уверенность, – подтвердил дон Рафаэль, – но он больше думает о спасении душ язычников, чем об успехах археологии, иначе этот человек давно бы исполнил то, за что вы намереваетесь взяться. Он многое сделал, что значительно облегчит вашу работу.

– А кто такой фра-Антонио, сеньор?

– Человек, который, может быть, всего полезнее вам в настоящем деле. Мы редко видим его в музее; хотя он – один из наших наиболее уважаемых коллег, но он все время поглощен делами милосердия, которым посвятил жизнь, и ему остается очень мало времени на отдых. Фра-Антонио – монах францисканского ордена. Как вам известно, со времени введения у нас новой реформы монахам не позволяется жить общинами, однако за малыми исключениями монастырские церкви, которые не были упразднены, до сих пор управляются членами монашеских орденов.

Фра-Антонио служил при церкви Святого Франциска – знаете, там, на рыночной площади – и утвержден в ней приходским священником. Это религиозный энтузиаст, неутомимый в исполнении своих обязанностей. Простой народ, видя его труды и сострадание к бедным, особенно в то время, когда здесь свирепствовала оспа, почитает его за святого; действительно, героизм этого монаха в то ужасное время и безупречная жизнь, согласная с его религиозными принципами, заставили даже высшее общество разделить убеждение простонародья. Фра-Антонио полностью следует святому Франциску Ассизскому, основателю ордена. Право, это милость неба, что люди, подобные ему, появляются время от времени на нашей грешной земле.

Дон Рафаэль отзывался с таким жаром и почтением о францисканце, что это придавало еще больше силы и значения его речи. После минутной паузы он прибавил:

– Но важнее всего для вас, сеньор, то обстоятельство, что фра-Антонио, отправляя различные требы, расположил к себе окрестных индейцев. Его заветное желание – обратить в христианство всех этих язычников, и с этой целью он часто совершает путешествия в горы; его стараниями в индейских городах построены капеллы, где он служит обедни и проповедует слово Божие, чтобы привлечь заблудших овец во Христово стадо. Уже много раз его жизнь подвергалась страшной опасности; жрецы горных племен жестоко ненавидят францисканца, потому что он приобретает немало последователей нашей религии милосердия среди приверженцев жестокой веры, которую они проповедуют. Впрочем, опасности несколько не пугают его; он скорее ищет мученический венец, чем боится пострадать: до того сильна в нем вера и отвага.

Дон Рафаэль опять умолк, и я снова заметил, с каким глубоким чувством говорил он о святой жизни этого праведного человека.

– Теперь вам понятно, сеньор, – продолжал ученый, – что нашему фра-Антонио лучше всех известен образ жизни и характер горных индейцев, так что он может дать вам самые полезные советы, если вы хотите пожить с ними некоторое время. Для вас было бы лучше всего переговорить с францисканцем на этот счет. Церковь Сан-Франциско в двух шагах отсюда.

Слова дона Рафаэля открыли для меня новые горизонты и странное чувство овладело мной, когда я вышел из полумрака и тишины музея на залитые ярким солнцем, но такие же тихие улицы.

Морелия – спокойный городок, где нет большого оживления и где все дышит миром и покоем. Надо заметить, что я не питал особенной симпатии к духовному сословию, а мексиканских священников не любил и подавно, и вот теперь мне довелось узнать от совершенно беспристрастного человека, что здесь живет священник, проникнутый духом подвижников и бескорыстных служителей алтаря, которые удивляли мир своим самоотвержением в тринадцатом столетии; он всецело посвятил себя служению Богу и ближним, как будто в нем воскресла чистая душа серафима, обитавшая некогда в теле святого Франциска Ассизского. Проводя

параллель между настоящим и отдаленным на шесть веков назад временем, я опять вернулся мыслями к своим планам и тут (может быть, по не совсем безупречной аналогии) мне пришло в голову, что если этот монах до сих пор так крепко держался правил и духа ордена Святого Франциска, основанного шесть столетий назад, то почему бы и мне не найти во всей неприкосновенности образчиков жизни, процветавшей в Мексике немного более чем триста лет назад? Мы повернули с главной улицы в сторону, миновали маленькую ветхую церковь Ла-Крус и пересекли рыночную площадь, где вяло шла торговля под монотонный говор толпы; эта сцена показалась моему непривычному глазу театральной, точно я сидел в опере. По ту сторону площади возвышалась другая старинная церковь, куда мы и вошли. Как приятно было перейти от яркого солнечного света и зноя на улицах к прохладе и полутьме под ее сводами! Единственным живым существом оказалась здесь какая-то старуха; закутав голову в свой легкий шарф, она сосредоточенно шептала молитвы.

Уже более двух с половиной столетий отправлялись здесь божественные службы и творились молитвы. Когда я подумал о множестве поколений, приносивших бескровные жертвы и преклонявших колени у этого алтаря – хотя эти люди, без сомнения, не были безупречны: и те, кто стоял на кафедре, и народ, наполнявший церковь, – мне показалось, будто их вера в божественную помощь и душевное умиление царили здесь; что эти мужчины и женщины, честно боровшиеся против враждебных сил, господствующих в мире, оставили часть своей души в этой старинной церкви, что их набожные помыслы, горячее раскаяние и христианская надежда слились с этими сводами и освятили их.

Мы прошли в восточный угол храма, где виднелся низкий проход с деревянной дверью, обитой грубыми железными гвоздями и украшенной простым чугунным орнаментом. Дон Рафаэль смело открыл ее, как человек, имеющий право свободно входить сюда, а потом вежливо посторонился, чтобы пропустить меня вперед.

Дверь вела в ризницу, небольшую светлую комнату со сводами, с широким окном, выходящим на юг. Как раз на том месте, где сноп солнечных лучей падал на мощеный пол, на пирамидальном подножии с каменными ступенями возвышался большой крест из какого-то темного дерева, с фигурой распятого Христа в натуральную величину. И здесь-то, на голых каменных плитах, перед этим символом веры, обратив лицо, ярко освещенное солнцем, к святому изображению, простирая к нему сложенные с мольбой руки, стоял на коленях фра-Антонио в одежде францисканского монаха с капюшоном, отброшенным назад. На его бледном лице, сиявшем в блеске солнечных лучей, лежало выражение такой неземной чистоты, такого восторга, как будто перед его умиленным взором были отверсты двери рая и он созерцал красоту, великолепие и несказанное величие небес.

Как я увидел в первый раз фра-Антонио – точно настоящего святого, преклонявшего колени пред крестом, – так он представляется мне всякий раз и теперь. Даже позднейшие мрачные воспоминания о постигшей его судьбе не изгладили из моей памяти этого ясного, светлого впечатления. Какая-то сила извне заставляет меня верить, что все случилось к лучшему, что в ту минуту, когда я увидел его впервые, этот праведник вымаливал себе у Бога именно то, что постигло его потом.

Другому человеку было бы неприятно, если бы ему помешали в минуту общения с небом, неловко, как стало неловко и мне самому, когда я вошел в ризницу, по-видимому, совсем некстати. Но для фра-Антонио усердная молитва была таким обычным делом в повседневной жизни, что его нисколько не раздосадовал наш внезапный приход. Заметив посетителей, он очнулся от своего экстаза, встал с колен и пошел к нам на встречу с серьезным, но благосклонным и открытым выражением лица. Он был мужчина лет двадцати восьми, не старше, стройный, тонкий; он именно не был худ, а только тонок, как здоровый человек, который старается поддерживать физическое состояние и ведет умеренный образ жизни. Его лицо еще не утратило округлости и нежности юного возраста, что прекрасно гармонировало с общим выраже-

нием, освещавшим эти приятые, кроткие черты: тонкий подбородок и линия губ обнаруживали в нем твердость характера, сдержанность и силу воли. То же самое читалось в его глазах; когда я к нему хорошенько присмотрелся, эти глаза поразили меня. Как сейчас вижу их перед собой: они казались черными, на самом же деле были темно-синими и сочетались с нежно-белой кожей лица и светлыми волосами.

Дон Рафаэль, оставшийся за дверью, чтобы пропустить меня вперед, не заметил, что мы прервали молитву монаха. Представив меня ему как американского археолога, приехавшего в Мексику с целью продолжать свою научную работу, знакомясь с первобытными жителями страны, он со свойственной ему живостью принялся рассказывать о моем предприятии и просил фра-Антонио оказать мне содействие, от которого зависело очень многое. Может быть, молодой францисканец успел заметить мою симпатию к нему – впоследствии между нами возникло такое взаимопонимание, что мы угадывали мысли друг друга без слов – и это расположило его в пользу моих проектов; как бы то ни было, но прежде чем дон Рафаэль успел договорить, новый знакомый понял, чего я желаю.

– Так сеньор уже изучал здешние наречия? Это очень хорошо! Научиться говорить на них ему будет нетрудно; пускай он возьмет себе в услужение моего знакомого мальчика Пабло. С ним сеньор может говорить на языке нагуа, самом важном из всех, потому что он прямо происходит от древних корней. А я устрою так, чтобы сеньор мог пожить некоторое время в горах – боюсь только, что тамошняя суровая жизнь придется ему не по вкусу. Я посоветовал бы ему поселиться в Санта-Мариин, а потом в Сан-Андресе; в этих деревнях он научится наречию двух племен: отоми и тараскана. Конечно, это потребует времени – несколько месяцев, я полагаю. Но сеньор, изучавший языки уже десять лет, поймет необходимость основательной подготовки. Для всякого любознательного человека учиться чему-нибудь новому – большое удовольствие, тем более если от этого зависит осуществление заветного плана. Сеньор, вероятно, умеет читать по-испански, потому что он прекрасно говорит на этом языке.

Тут фра-Антонио сделал грациозный жест рукой и легкий поклон, подчеркивая тем свою похвалу.

– Но может ли сеньор свободно читать наши старинные испанские рукописи?

– Никогда не пробовал, но так как для меня не составляет никакого труда читать старинную испанскую печать, то, вероятно, – прибавил я немножко легкомысленно, – и старинные испанские рукописи не затруднят меня.

Фра-Антонио чуть-чуть улыбнулся, переглядываясь с доном Рафаэлем, у которого также появилась на лице улыбка, и ответил, разводя руками:

– Может быть. Только это не одно и то же, в чем сеньор убедится сам, когда попробует. Впрочем, что за беда: я готов предоставить в ваше распоряжение все, что есть интересного в наших архивах, и помочь вам в чтении рукописей. Да, вероятно, и дон Рафаэль не откажет поделиться с вами своим опытом.

И монах продолжал оставляя официальность по мере того, как предмет разговора становился ему интересен, а расположение ко мне возрастало:

– Вы должны знать, что у нас хранится много драгоценных документов. Еще в 1531 году эта восточная область была обращена в кустодию, отдельную от управления Санта-Евангелио в Мексико, и с того времени все письма и отчеты, относившиеся к миссионерству нашего ордена среди язычников, присылались сюда. Нет сомнения, что здесь скрыто много исторических сокровищ. В последнее столетие очень мало заботились о сохранении этих бумаг, а между тем они имеют большую антикварную ценность для таких людей, как дон Рафаэль и вы. Но еще драгоценнее они для меня, потому что из них я узнаю, как сеялось слово Божие среди идолопоклонников. Очень вероятно, что никто не изучал эти документы с тех пор, как наши ученые братья Пабло де-Бомон и Алонсо де-ла-Реа писали свои хроники о здешней провинции, а труды этих братьев закончены два с половиной столетия назад. Даже в те немногие часы,

которые я могу посвятить занятиям подобного рода, мне удалось отыскать массу манускриптов, проливающих свет на исследования народа, населявшего Мексику до прибытия испанцев. Некоторые из этих рукописей я пришлю вам для ознакомления, они подготовят вас к делу, за которое вы беретесь, и вы почерпнете из них полезные сведения о первобытном образе жизни здешних аборигенов, об их верованиях и ходе социального развития. Пока вы будете жить в горах, в Санта-Марии и Сан-Андресе, я буду продолжать свои поиски в наших архивах, а после вашего возвращения покажу вам то, что найду. Теперь же, сеньоры, прошу меня извинить: я должен отправиться по своим делам. Дон Рафаэль знает, что я готов забыть их, толкуя о старине. У меня слабость к изучению древностей; я стараюсь победить ее, но она, кажется, все возрастает. Вечером, сеньор, я пришлю вам некоторые из здешних старинных рукописей. До свидания!

II. Тайна кацика

Фра-Антонио сдержал свое слово относительно манускриптов. При одном взгляде на них я понял значение улыбки, которой он обменялся с доном Рафаэлем, когда я так легкомысленно выразил уверенность, что могу прочесть их. Если бы я сказал, что мне гораздо легче разбирать древнееврейские книги, этого было бы мало, так как я хорошо читаю по-еврейски, но испанские рукописи поставили меня в тупик. И странная форма многих букв, и необыкновенные сокращения, и старинная орфография, не знакомые мне обороты речи, и, наконец, устаревшие слова, вышедшие из употребления, до того затрудняли чтение, что я был не в состоянии понять ни единой строчки. Нечего делать; я взял рукописи и пошел в музей просить помощи дона Рафаэля.

– Это пустяки, – заметил он, – немного времени и терпения, и все пойдет отлично.

Однако он говорил так из скромности, не желая хвастаться своими познаниями. Много времени и терпения положил я, изучая старинное испанское письмо, но и теперь мне далеко до того, чтоб назваться экспертом в этом деле.

И второе свое обещание – прислать мне слугу, с которым я мог бы практиковать наречие нагуа или ацтеков – фра-Антонио исполнил также пунктуально. Когда я на другой день после моего визита в церковь Сан-Франциско пил утренний кофе в своей спальне, до меня донеслись тихие звуки музыки, причем было трудно определить, долетают ли они издали или так слабы, что едва слышны вблизи. Потом я разобрал, что музыкант исполняет мотив из «Герцогини Герольштейнской», и вспомнил, что отрывки из этой популярной оперы исполнял вчера вечером военный оркестр на площади. Игра становилась увереннее; наконец ария «О сабле» была исполнена очень недурно и совершенно верно. Игра становилась лучше, звуки – полнее и я смог разобрать, что это играют во внутреннем дворе отеля на концертино. Вдруг в середине арии музыку заглушил громкий рев осла, тут же я услышал топот босых ног по галерее мимо моей комнаты.

Я отворил дверь и выглянул, но галерея, выходившая во двор, была пуста. Приблизившись к каменным перилам, я увидел сцену, которую вспоминаю до сих пор с теплым чувством. Почти прямо надо мной стоял серый ослик с красивой, стройной фигуркой, с необыкновенно длинной, густой шерстью и громадными ушами. Ослик поднял голову и наострил уши, а его морда выражала такую кротость, столько задумчивого глубокомыслия, что я сейчас же полюбил его. Вдруг он опустил голову, зорко всматриваясь в тот угол двора, куда вела лестница с галереи, на которой я стоял; оттуда к ослику приближался с улыбкой на лице миловидный индейский юноша, лет восемнадцати – двадцати, в рубашке и шароварах из бумажной материи, босоногий, в помятой соломенной шляпе. Увидав его, животное рвануло веревку, за которую было привязано, и опять раздался его протяжный рев.

– Ты зовешь меня, Мудрец? – заговорил юноша по-испански. – Верно, этот сеньор американец очень ленив, что встает так поздно и заставляет нас так долго дожидаться! Но нечего делать, надо потерпеть, мой милый. Падре говорит, что это добрый джентльмен и что нам с тобой будет очень хорошо. Вот увидишь, мы заживем, точно короли; я куплю себе дождевой плащ, а тебя стану кормить бобами.

Подойдя к ослику, мальчик нежно обнял его лохматую голову и гладил непропорционально длинные уши. Ослик терся головой о грудь своего хозяина и радостно махал хвостиком. После таких взаимных изъявлений дружбы, мальчик сел на мостовую возле осла, вынул из кармана длинную губную гармошку и заиграл так усердно, что оффенбаховские мотивы загремели по всему двору. Я тотчас понял, что это был тот самый юноша, которого собирался прислать мне фра-Антонио, и сразу почувствовал к нему большую симпатию, несмотря на его обидное замечание о моей лени.

Выждав, пока он окончит арию о сабле, причем лохматый ослик, по-видимому, внимательно и с удовольствием прислушивался к музыке, я окликнул его.

– Ленивый сеньор американец проснулся, Пабло. Подойди сюда, и мы потолкуем о том, как бы тебе купить дождевой плащ, а Мудреца угостить бобами.

Мальчик вскочил, как на пружине, и до того смешался, что мне стало жаль, зачем я подшутил над ним.

– Ничего, дитя мое, – сказал я, ободряя его, – ведь ты говорил с Мудрецом, а не со мной, и я забыл все, что слышал. Тебя послал фра-Антонио?

– Да, сеньор, – отвечал индеец и, увидав улыбку на моем лице, улыбнулся в свою очередь; он смотрел на меня так открыто и кротко, что понравился мне еще более.

– Ну, теперь тебе придется постоять одному, мой друг, – сказал он, обращаясь к ослу, который важно пошевелил ушами. Потом мальчик поднялся на галерею и вошел со мной в комнату, так как я хотел хорошенько расспросить его обо всем.

Но моему будущему слуге не пришлось рассказывать о себе ничего особенного; он был родом из Гвадалахары и в детстве жил в индейском предместье Мексикалсинго, о чем я мог бы тотчас догадаться по его музыкальным способностям, если бы знал Мексику; в настоящее же время Пабло пошел по свету искать счастья. Его капитал заключался в осле, до такой степени податливым, что мальчик звал его Эль-Сабио.

– Он понимает каждое слово, какое ему скажешь, сеньор, – серьезно уверял Пабло, – а когда услышит издали мою музыку, то сразу догадывается, что это играю я, и подает голос. Любит же он меня, сеньор, точно родного брата, и знает, что я его люблю. Это добрый падре подарил его мне. Да благословит его Господь! – Я понял, что последнее набожное желание относилось не к ослу, а к фра-Антонио.

– А чем ты живешь, Пабло?

– Вожу воду от источника «Святых Детей», сеньор. Это в двух лигах отсюда – «Охос-де-лос-Сантос-Ниньос», и мы с Эль-Сабио ездим туда по два раза в день, привозя по четыре кувшина воды, которую потом и продаем в городе, – потому что она очень приятна на вкус – по три тлакоса за кувшин. Видите, я зарабатываю много, сеньор, целых три реала в день! Если б не одна помеха, я скоро мог бы разбогатеть.

Для меня было новостью слышать, что можно быстро разбогатеть от заработка в двадцать семь центов по нашему счету; но я не улыбнулся и серьезно спросил. – А что же мешает тебе разбогатеть?

– Я слишком много ем, сеньор, – с раскаянием отвечал Пабло. – Право, у меня какое-то несытое брюхо: как ни стараюсь есть поменьше, а оно все просит еще да еще, вот деньги и уходят. Мне едва удастся накопить медио в целую неделю, потому что и Эль-Сабио тоже хочет есть. А теперь мне очень нужно откладывать деньги, чтобы приобрести себе до наступления дождливого времени года дождевой плащ. Только за хороший надо заплатить семь реалов. Цена немалая.

– А что это за дождевой плащ?

– Сеньор не знает? Странно! Эта такая одежда, сплетенная из пальмовых листьев; в ней хорошо, как под тростниковой крышей – никакой дождь не пройдет. Вот я и разговаривал про это со своим Эль-Сабио... – Пабло вдруг прервал свою речь, сконфуженный воспоминанием о том, что он сказал о моей лени.

– Ты говорил, что накопишь денег из своего жалованья на покупку плаща, – поспешил сказать я, чтобы вывести его из замешательства.

Тут мною было назначено ему вознаграждение за труды; кроме того, я объяснил, в чем будет состоять его обязанность слуги, и прибавил, что он должен практически обучать меня своему родному языку. Пабло не приходило даже в голову, чтобы я мог разлучить его с осликом, и таким образом, заключив наши условия, я очутился господином мальчика, играющего

на концертино, и необыкновенно умного осла. Оба они должны были сопровождать меня в мою экспедицию в индейские деревни. Пабло тут же получил в задаток семь реалов для немедленной покупки плаща.

Между тем два дня спустя, когда мы отправлялись из Морелии путешествовать по горной местности на запад, я был немало изумлен, заметив, что Пабло не запасся одеждой, которую так желал приобрести; впрочем, дождливое время года было еще далеко и мальчик мог обойтись без плаща. Он не сразу ответил, когда я его спросил об этом, а потом заговорил тоном извинения:

– Простите, сеньор, что я так худо распорядился вашими деньгами, но, право, нельзя было иначе. Тут у нас живет один старик, по имени Хуан, и я видел от него много добра; он часто давал мне разных разностей для моего несытого брюха; а когда я разбил один из своих кувшинов, то старик одолжил мне денег на покупку нового и не хотел брать с меня более того, что стоила посуда. Теперь бедняга заболел ревматизмом, сеньор, и находится в страшной нужде. Им с женой почти нечего есть, а я знаю, какое это мучение. Ну, вот я и... не сердитесь на меня, пожалуйста, сеньор! Теперь мне плащ не нужен, понимаете? Вот я и отдал Хуану свои семь реалов; он возвратит мне их, когда опять будет в силах работать, да если б даже старик и умер, не заплатив мне... Знаете, сеньор, о чем я думал? Дождевые плащи – вовсе не такая нужная вещь; без них вымокнешь, это точно, да ведь скоро и высохнешь. Впрочем, нет, – тут голос Пабло задрожал, как будто от сдерживаемых слез, – мне в самом деле нужна была эта одежда.

Наивный рассказ мальчика тронул меня, и мне стало понятно, почему фра-Антонио ото-звался о нем с такой похвалой. Могу сказать, что если б не излишнее пристрастие его к пло-хонькой гармошке, на которой он вечно наигрывал всякий слышанный им мотив, пока не заучит его твердо, он был бы самым отличным слугой, какого только можно себе представить. При своем нежном сердце Пабло был храбр. В минуты опасностей, которые ему пришлось делить с нами впоследствии, ни один из нас, исключая Рейбёрна, не встречал смерть лицом к лицу с большей твердостью и хладнокровием; во всем его существе, казалось, не было ни единого фибра, способного звучать в унисон со страхом. В течение двух месяцев, проведенных нами вместе в горах, пока я практически учился индейским наречиям, чтоб иметь возможность приложить к делу свои познания, почерпнутые из книг, Пабло заявил себя отличным слугой; можно было удивляться, как быстро угадывал он, что мне нужно, как понимал мои привычки.

Между тем серьезное понимание индейских обычаев, исключая те, которые известны всем и не скрываются аборигенами – давалось очень трудно: за такое короткое время решительно ничего нельзя было сделать. Узнав, что я друг фра-Антонио, индейцы, питавшие к нему большое расположение, оказали мне ласковый прием и встретили с большим почетом. Однако мне сразу запало подозрение, обратившееся потом в уверенность, что, будучи рекомендован христианским священником, я внушал индейцам сильное недоверие. Они ни за что не хотели посвящать меня в свою личную жизнь. Все, что я начал узнавать тогда и что вполне узнал впоследствии, убедило меня, что эти люди, приняв христианство, не отступились от языче-ства; обнаруживая известное суеверное почтение к христианским обрядам и церемониям, они искренно почитали только своих языческих богов. Я не сразу пришел к этому неприятному открытию, но оно доказало мне только всю трудность принятой на себя задачи – проникнуть в тайны жизни индейцев.

Если бы не счастливая случайность, я вернулся бы в Морелию ни с чем; однако сама судьба благоприятствовала мне и первый шаг к удаче повлек за собой необычайно важные последствия. Это случилось накануне моего отъезда из деревни Санта-Мария. Во-первых, мне как-то посчастливилось уйти в горы одному. Моя прогулка имела определенную цель, потому что всякий раз, когда я хотел туда направиться, один из деревенских жителей непременно нагонял меня и с вежливыми извинениями предлагал проводить другим путем, говоря, что

здесь ходить опасно. Каким образом удалось мне скрыться от такого множества бдительных глаз, решительно не понимаю; но судьба была за меня и я ушел, никем не замеченный. Крутой горный склон, дикий и неровный, был усыпан большими обломками скал, упавших с вершины; пролежав здесь целые столетия под деревьями, они обросли мохом и были на половину скрыты сухими листьями. В этом лесу стоял полумрак, лучи солнца скупо проникали между густых ветвей; я пробирался вперед, рискуя сломать не только ноги, но и шею, поскользнувшись на мшистом обрыве, под которым был новый уступ, усыпанный камнями. Я уже начал думать, что индейцы были правы, предостерегая меня от ходьбы по этим трущобам, и собирался вернуться засветло домой, но только что во мне созрело это благоразумное решение, как я в самом деле поскользнулся и полетел вниз.

К счастью, мне пришлось упасть с высоты не более двенадцати футов и притом на почву, обросшую мхом и усыпанную листьями. Вскочив на ноги, я увидел, что стою в узком овраге между скал, где, к моему немалому удивлению, оказалась протоптанная дорожка. Всякая мысль об опасности тотчас вылетела у меня из головы, едва я сделал это открытие. В радостном волнении и в надежде найти что-нибудь такое, что индейцы тщательно скрывали от посторонних глаз, я быстро подвигался вперед по тому же направлению, по которому мне было так трудно идти на скалистом склоне. Узкий ход, как я заметил, был частично образован самой природой, частично проложен человеческими руками; он пролегал или по оврагам, как тот, куда я упал, или извивался между громадных каменных глыб, весом в несколько тонн, которые были нагромождены одна на другую, оставляя тесное пространство у своего подножия. Все это, очевидно, было устроено в давно прошедшие времена, потому что скалы густо обросли мхом; а в одном месте, где дорожку пересекал ручей, камни до такой степени были источены водой, что на это понадобилось непременно несколько столетий. Дорога была так искусно скрыта и до того узка и неправильна, что целая армия могла пройти по склону горы, не заметив ее совсем, разве только с кем-нибудь случилось бы то же самое, что и со мной.

Пройдя с полмили или немного более среди наступающих сумерек, с сильно бьющимся сердцем достиг я наконец обширного выступа скалы, простиравшегося на восток. Здесь была площадка, не меньше акра протяжения, а в центре ее стоял высокий камень, похожий с виду на алтарь. В конце тропинки я остановился и тщательно осмотрелся кругом, отлично сознавая, что могу поплатиться жизнью за свою смелость, если не буду осторожен. Выйдя из-под сени леса и из-под защиты высоких скал на это открытое место, ярко освещенное вечерней зарей, я мог прекрасно видеть все вокруг. Посредине площадки, недалеко от обрыва над пропастью, не менее тысячи футов глубины, возвышалась каменная глыба, грубо обтесанная в форме куба и представлявшая колоссальный алтарь. Тщательно проложенная дорожка досказала мне остальное. Здесь был храм; куполом ему служил безграничный небесный свод; здесь было место, где индейцы, которых благодущный фра-Антонио считал такими ревностными христианами, усердно молились своим настоящим богам, точно так же, как и их предки в незапамятные времена!

Радостная дрожь пробежала у меня по телу, когда я понял, что нашел. Передо мной было явное доказательство, что ацтеки по-прежнему придерживаются язычества; значит, если их вера жива и если мне удастся проникнуть в ее тайны, я открою все, чего искал, узнаю их обычаи, предания, и могу ясно показать миру в конце XIX столетия удивительный социальный и религиозный строй этого народа, вытесненный испанцами XVI века, но не уничтоженный ими вконец. Открытия моих товарищей – археологов в Сирии, Египте и Греции – будут ничто в сравнении с тем, чего я мог достигнуть в Мексике. Смит, Раулинсон, Шлиман могли только смахнуть пыль с умершей древности; у меня же появилась возможность воскресить прошлое в настоящем, во всей его свежести и жизненности. Мне предстояло оживить обособленный древний мирок! Пока я стоял таким образом в тени узкого прохода и сердце у меня прыгало от радости, до моего слуха долетел слабый болезненный стон. Эти неясные звуки раздавались как

будто у каменного алтаря; я знал, что если кто-нибудь из индейцев найдет меня здесь, то без церемонии положит окончательный предел моему честолюбию археолога. Однако естественное желание помочь страждущему боролось во мне с чувством самосохранения. Я стоял с минуту в нерешительности, но, опять услышав стоны, храбро вышел из своей засады и направился к алтарю. Обойдя его кругом, я увидел страшную картину: старый индеец лежал на голой скале с огромной зияющей раной на лбу, откуда текла струя крови, заливая ему лицо и грудь; поза его была какая-то неестественная, как у человека с переломанными костями. Услыхав мои шаги, несчастный повернул голову, но, очевидно, не мог меня рассмотреть, потому что кровь ослепляла ему глаза. Он сделал слабое усилие протереть их, однако тотчас с болезненным стоном опустил наполовину поднятую руку. Я узнал его с первого взгляда. Это был кацик, предводитель племени, а вместе с тем, вероятно, и жрец, то есть последний человек, с которым я желал бы встретиться в таком месте.

– Наконец-то ты пришел, Бенито, – заговорил он слабым прерывистым голосом, – я молил наших богов, чтоб они привели тебя сюда; моя смерть близка, а мне нужно передать тебе, мой преемник, великую тайну, которой ты еще не знаешь. Я был на вершине алтаря и упал оттуда.

Слова кацика подавали мне самые блестящие надежды. Он не мог видеть меня и, очевидно, принимал за второго начальника деревни, Бенито, – индейца, с которым мне часто приходилось разговаривать, так что я мог подражать его голосу. Нет сомнения, что моя неловкая попытка поддаться под речь природного индейца была бы тотчас обнаружена при иных обстоятельствах. Но кацик был уверен, что никто другой не мог прийти к нему сюда, да и жестокие страдания, вероятно, притупили в нем остальные чувства. Я старался говорить как можно меньше, и мой обман удался; жрец не догадывался, в чьи руки он попал в последние минуты жизни.

Когда я немного приподнял ему голову и положил к себе на колени, он заговорил очень слабо и отрывисто:

– На груди у меня висит кожаный мешочек. В нем хранится знак верховного жреца и бумага, показывающая путь туда, где находится твердыня нашей расы. Одному мне известна эта тайна как представителю древнего рода, а теперь я передаю ее тебе, потому что и ты – потомок наших жрецов и царей; только тогда, когда придет знамение с неба – то самое, о котором я тебе говорил, не объясняя, однако, его значения, – должен быть послан этот знак, а вместе с ним и просьба о помощи. Однажды, как тебе известно, это знамение уже явилось и от нашего народа отправился посол, наш общий предок. Но боги разгневались против нас и послание не дошло до места, а посланный был убит; но священный знак сохранился и небесное знамение явится опять. А тогда... ты знаешь... – Но тут по его телу пробежала болезненная конвульсия, и вместо слов слышались только стоны агонии. Собравшись с последними силами, он прошептал: – Положи меня с лицевой стороны алтаря, я умираю.

– Но знамение? Какое же оно будет? И где наша твердыня? – с жаром воскликнул я, забывая в своем волнении всякую осторожность и далее не изменив своего голоса.

Однако моя оплошность не стоила мне ничего. Пока я говорил, предсмертная судорога опять пробежала по телу кацика, с его губ сорвался какой-то неопределенный звук, не то стон, не то хрипение, и несчастный испустил дух.

Когда я немного опомнился, то снял у него с шеи кожаный мешочек, запачканный кровью, а потом бережно и с почтением поднял его несчастное искалеченное тело и положил перед алтарем. После этого мне удалось так же благополучно вернуться в деревню незамеченным; я скоро отыскал потайную тропинку и оставил мертвое тело кацика среди торжественного безмолвия на вершине большой горы; на землю спускались сумерки, и мертвец покоился непробудным сном перед алтарем своих богов.

III. Рукопись монаха

Когда на следующий день мы с Пабло собирались вернуться в Морелию, деревня Санта-Мария была погружена в печаль. Жители сообщили нам о смерти кацика; он упал на камни в горах и, будучи стар и слаб, убится до смерти. Меня попросили передать доброму падре, чтоб он поспешил в Санта-Марию похоронить его по христианскому обряду. Признаюсь, мне стало смешно, хоть я и обещал исполнить в точности свое поручение. Ясно, что умерший оставался самым ревностным язычником, преданным своей вере, и я предвидел, что после отпевания в церкви он будет предан земле со всеми языческими обрядами. Но, разумеется, мне это было все равно; я давно знал, что индейцы только для виду исповедуют нашу веру.

Конечно, в качестве страстного археолога я был готов отдать бог знает что, только бы присутствовать при погребальной церемонии, в которой фра-Антонио не будет принимать участия, но это оказывалось невозможным. Мне пришлось бы употребить слишком много хитрости, чтобы пробраться на то место, куда я попал вчера нечаянно, и потому я безотлагательно уехал из индейской деревни, бесконечно радуясь своему открытию. Я так ревниво берег странное наследство, завещанное мне умирающим кациком, что, только вернувшись благополучно в Морелию и запершись в комнате своего отеля, отважился рассмотреть странный талисман. Этот мешочек, шести дюймов в квадрате, плотно зашитый со всех четырех сторон, был сделан из змеиной кожи и снабжен ремешком из того же материала, чтобы носить его на шее. Мои руки дрожали, когда я распарывал крепкие стежки из растительных волокон, а потом вынул из мешочка сверток бурой бумаги, сделанной из растения магей, какую употребляли древние ацтеки. Когда он был развернут, я увидел перед собой лист приблизительно двух футов в квадрате, на котором была нарисована потемневшими красками курьезно извивавшаяся вереница фигур и символов. Мои познания на этот счет были довольно ограничены, и я мог только догадаться, что этот рисунок изображал в историческом и географическом смысле странствие какого-нибудь племени; с первого же взгляда мне стало ясно, что это не походило ни на одну из знаменитых живописных грамот, изображающих странствие ацтеков из Кулиакана в Мексиканскую долину, а затем по этой долине до конечного пункта их пути в Теночтитлане. Не оставалось сомнения, что этот рисунок разнился ото всех существующих документов подобного рода, и я почувствовал справедливую гордость при мысли о том, что в три месяца моего пребывания в Мексике мне удалось найти этот единственный и неоценимый экземпляр. У меня тотчас явилось естественное желание показать свою драгоценную находку дону Рафаэлю, чтобы послушать его объяснения (потому что он продолжал прилежно заниматься изучением живописных писмен ацтеков, которое было так успешно начато покойным сеньором Рамиресом); кроме того, мне хотелось поскорее обрадовать его своим удивительным открытием. Когда я поднял мешочек, чтоб положить туда обратно сложенную бумагу – мысленно я уже видел ее опубликованной всему свету под именем Codex Palgravius и воспроизведенной в виде факсимиле в моей книге: «Условия жизни на североамериканском материке до Колумба» – как вдруг из мешочка выскользнул какой-то блестящий предмет и со звоном покатился на каменный пол. С любопытством засматривая это новое сокровище, я увидел перед собой золотой кружок, приблизительно такого же объема и толщины, как мексиканский серебряный доллар; на нем была грубо выгравирована любопытная фигура. Она, очевидно, представляла именной девиз ацтеков, обозначающий на их старинных живописных грамотах различные линии царских династий. Этот именной девиз был мне незнаком: как я уже сказал, письма ацтеков не изучались мной до того времени с достаточным тщанием, так что многих царских имен я мог совсем не разобрать; но что этот золотой кружочек был тот самый знак, о котором упомянул умирающий кацик, придавая ему такое странное значение, в этом нельзя было сомневаться. Обрадованный новым открытием, я поспешил с моими сокровищами в музей, и восторг дона

Рафаэля при виде их был так искренен, как только я мог желать. Его обширные познания по этому предмету помогли ему в один вечер в достаточной степени разобрать мой документ, и, по его словам, эта бумага имела необыкновенную историческую ценность. В кодексе Батурины, как известно, есть много важных пропусков, которых не мог пополнить ни этот замечательный ученый, ни другие археологи, заслуживающие доверия. Все эти пробелы можно объяснить только тем, что летописец странствия ацтеков нарочно выпустил несколько фактов из своей живописной летописи. Дон Рафаэль был немало поражен, когда убедился, что добытый мной документ, бесспорно, пополнял скрытые факты в самом длинном из этих необъяснимых пропусков; это не было одним предположением с его стороны, но очевидной достоверностью. Он велел мне внимательно всмотреться в кодекс Батурины, в рисунки, предшествовавшие и сопровождавшие вышеупомянутый пробел, а потом указал мне те же самые рисунки – в начале и в конце моего собственного кодекса – несомненно, помещенные здесь с той целью, чтобы секретная грамота могла быть включена в обнародованную грамоту о странствиях племени ацтеков.

Далее, так как географические указания, имевшиеся в кодексе Батурины, были достаточно подтверждены, это обстоятельство давало возможность приблизительно определить ту часть Мексики, к которой относились начало и конец моего кодекса. Но изображенное здесь странствие было продолжительно и дон Рафаэль мог с достоверностью сказать только то, что в грамоте дело шло о далеких путешествиях на запад и север. Он был немало изумлен рисунком в ее центре, изображавшим город, обнесенный стенами посреди гор. Тут я вспомнил слова умирающего кацика о сокровенной твердыне своей расы. Но дон Рафаэль придавал им мало значения, доказывая на основании археологических данных, что в первобытной Мексике не могло существовать укрепленного города, хотя первобытные мексиканцы и строили множество стен, уцелевших до сих пор в некоторых местах, но в древнейших хрониках нигде не упоминается об укрепленном городе и никто не открывал ни малейших его следов.

Относительно же гравированного золотого кружочка дон Рафаэль сказал, что он представляет именную девиз, который никогда не встречался ни в каких известных ацтекских письменах; по его мнению, некоторые тонкие особенности начертанной фигуры, ускользнувшие от моего неопытного глаза, указывали, что имя, представленное здесь в виде символа, принадлежало правителю, который был одновременно и жрецом, и царем. То обстоятельство, что золотая монета была найдена вместе с живописной грамотой, бесспорно, принадлежавшей к теократическому периоду, подтверждало это предположение. Суммарный наш вывод был тот, что мы имели здесь дело с именным девизом жреца, облеченного царской властью и управлявшего ацтекским племенем во время первого переселения. Предполагая, что он жил в тот период, к которому относился мой кодекс, и основываясь на системе чисел, принятой в виде опыта сеньором Рамиресом, мы определили, что этот человек жил и царствовал в IX веке нашей эры.

Целых два дня мы с доном Рафаэлем разрабатывали в музее этот вопрос и, только когда наши исследования были окончены, – на сколько вообще исследования могут считаться окончанными, пока они не привели к положительным результатам, – мои мысли направились к фра-Антонио, и я нашел, что по долгу вежливости мне следует сообщить ему о результате моего обучения индейским наречиям. Впрочем, я знал, что он тем временем ездил в Санта-Марию отпевать кацика, и таким образом, маленькая небрежность с моей стороны была простительна.

Но, когда я пришел в церковь Сан-Франциско, захватив с собой драгоценный документ и гравированный золотой кружочек, которые обещали сильно заинтересовать монаха, мне не сразу представилась возможность похвастаться перед ним своими сокровищами.

Едва я отворил дверь ризницы, предварительно постучавшись и получив позволение войти, как францисканец направился ко мне в таком радостном волнении, что все его лицо сияло; не дав мне поздороваться с ним, он воскликнул:

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой друг! Я только что собирался послать за вами, потому что нашел одну вещь, которая приведет вас в такой же восторг, как меня. Впрочем, пожалуй, – прибавил он более серьезным тоном, – вы будете в восторге от моей находки по другой причине, чем я. Ведь если я найду ключ к полной разгадке тайны, отчасти разоблаченной здесь, мне представится такой счастливый случай засеять нетронутую ниву, какой редко выпадал на долю служителей Господних в позднейшие времена мира.

Тон и слова фра-Антонио были так торжественны и загадочны, что мне пришло в голову, не впал ли он в религиозное помешательство. Вероятно, монах прочел эту мысль в моем недоумевающем взгляде, потому что кротко улыбнулся и продолжал гораздо спокойнее:

– Я в здравом рассудке, дон Томас, хотя и не удивляюсь, что вы сочли меня помешанным. Присядьте здесь и выслушайте рассказ о моем открытии, а, когда я закончу, вы согласитесь, что мне есть от чего прийти в экстаз, не будучи сумасшедшим.

Спокойная речь францисканца разубедила меня в моем предположении, что в голове у него неладно; я сделал слабую попытку оправдаться; фра-Антонио опять улыбнулся и предложил мне стул.

– Вы знаете, сеньор, – начал он, – здесь ходит слух, будто бы под церковью Сан-Франциско существует потайной ход, который тянется подо всем городом и выходит на луга за его чертой. Могу вам откровенно признаться, что это правда и что мне, как и всем членам нашего ордена, жившим здесь, в точности известно, как туда попасть и как выйти. Последнего я не стану вам объяснять; это не относится к нашему делу. Но важно то, что за день до вашего возвращения с гор я нашел посреди этого прохода маленькую комнату, дверь которой была так ловко скрыта, что я наткнулся на нее совершенно случайно. В этом потаенном уголке в числе других предметов, которые не требуется здесь перечислять, я увидел полку, где лежали старинные бумаги, давно интересовавшие меня. В наших архивах часто упоминается о них – они представляют большую важность для францисканского ордена, – но так как при всем старании мне до сих пор не удалось их найти, то я решил, что они погибли в один из смутных периодов, пережитых нашей церковью. Теперь мне ясно, что в один из таких опасных моментов они были спрятаны в этом недоступном тайнике.

– Некоторые из найденных бумаг представляют исторические документы, и вы, конечно, с удовольствием просмотрите их потом. Теперь же я покажу вам то, что привело меня в такой нескромный восторг. В сущности, вы ведь не без причины усомнились в моем здравом рассудке. Этот документ, как я полагаю, попал туда случайно. Между книг и бумаг, на полке стоял ящик из пергамента, на котором было написано: «Миссия Санта-Марты» и год «1531». В ящике оказалось несколько разрозненных листов со свидетельствами о крещении индейцев, что доказывается странным смешением христианских и языческих имен. Одним словом, это был архив какого-нибудь миссионерского поселения тех далеких времен. Между тем, порывшись хорошенько в ящике, я нашел в двойной обертке из пергамента и – как будто бы эта вещь была спрятана здесь не нарочно, а положена на временное хранение – запечатанное письмо, адресованное преподобному фра-Хуану де Сумаррага; он также принадлежал к нашему ордену и был, как вам известно, первым епископом в нашей святой церкви в новой Испании. Когда я вынул письмо, печать, отставшая от времени, отвалилась сама собой, и оно осталось раскрытым в моей руке. То, что это письмо никто не читал, в этом я уверен, так как чудо, о котором в нем говорится, до такой степени поразило бы просвещенный мир, что о нем упоминалось бы во всех хрониках. Вовсе не трудно объяснить, почему письмо не попало в руки того, кому было адресовано. В те отдаленные века, очень многие из нашего ордена, проповедуя слово Божие между варварами, сподобились самой блаженной кончины: они были замучены за веру Христову.

Тут голос фра-Антонио дрогнул от глубокого волнения, и я вспомнил слова дона Рафаэля, что этот ревностный служитель алтаря, по-видимому, искал такой же славной смерти.

– А когда проповедников убивали, – продолжал монах после некоторой паузы, – миссионерские станции, основанные ими приходили в упадок, частью разграбленные дикарями-убийцами. В более поздние времена, когда испанцы покорили страну, многие из этих миссий были найдены, но там не оказывалось ничего, кроме безымянных костей пострадавших во славу христианской веры.

– Однако я убежден, – начал опять фра-Антонио – что этот ящик из пергамента был найден – как знать, сколько лет спустя после смерти его владельца! – в одном из множества таких опустошенных дикарями поселений; испанские солдаты или кто-нибудь другой, кому попалась эта находка, принес ее сюда, в этот ближайший пункт нашего ордена; после небрежного осмотра, бумаги убрали подальше с глаз, вероятно, находя, что в них слишком мало данных о трудах нашего покойного брата, совершенных им прежде, чем он сподобился мученического венца и переселился на небо. Если б это письмо дождалось того «первого удобного случая», которого поджидал писавший, чтобы послать его по назначению, вероятно, содержание этого документа сделалось бы известным корыстолюбивым испанским завоевателям и в ответ на него были бы высланы целые армии. Между тем тот, кто написал это письмо, вложил его для безопасности в ящик, ожидая, пока представится случай для отправки на юг. Но, увы, автор письма скорострительно скончался. Таким образом сведение о необыкновенном чуде, дошедшее до него такими странными путями, сохранилось только в этом безгласном затерянном документе.

– Но где же письмо? – с живостью воскликнул я, забыв всякую учтивость. – Какая рассказывается в нем история? Заключалась ли в ней тайна? Скажите мне это сначала, а потом продолжайте ваши объяснения.

Фра-Антонио улыбнулся моей горячности.

– А-а, и вы начинаете кипятииться! – заметил он. – Но, в самом деле, с моей стороны не хорошо так долго интриговать вас. Моя голова слишком занята новой мыслью; ведь я совсем забыл, что вы пока ничего не знаете. Выйдемте во двор: там светлее – буквы письма очень бледны – и я прочту вам этот документ, в котором рассказывается удивительная история.

Мы вышли вместе через маленькую дверь в задней стене ризницы во внутренний, менее обширный двор старого монастыря – прелестный уголок, где в каменном бассейне журчал фонтан, а солнечные лучи играли в водяных брызгах, заливая ярким светом клумбы душистых цветов. В такой поэтически-мирной обстановке фра-Антонио прочитал мне письмо, так странно попавшее к нему из рук собрата, который скончался более чем три столетия назад, а теперь сообщал нам обоим живую весть, решившую нашу судьбу.

IV. Посланник Монтесумы

На письме не оказалось числа, но так как оно было адресовано епископу Сумаррага и в нем находилась фраза: «...эта новая Испания, где вы, преподобный отец, трудились во славу Божию. Нынешний год», то это показывает, что послание писалось в 1530 году. Что касается места, где оно было написано, то его нельзя было определить. Писавший часто повторял – «наша миссия Санта-Марты в Чичимеке», но эта миссия была уничтожена вскоре после своего основания, а словом Чичимека испанцы обозначали всякую часть Мексики, заселенную индейцами.

Выкинув излишнее многословие в религиозном духе и отчасти изменив старинный стиль письма, я воспроизвожу его содержание таким образом:

«Преподобный отец, настоящее письмо будет послано вам при первом удобном случае, когда найдется для этого надежный человек, и тогда вы в своей великой премудрости, руководимые благостью Божией, вероятно, распорядитесь послать миссионеров нашей общины в то место, которое я вам укажу. А также, вероятно, вы сообщите по секрету эту важную весть нашему государю-королю: пускай с нашими миссионерами вышлют целую армию, чтобы отнять у язычников великое сокровище и употребить его во славу Господа и на обогащение нашего государя-короля.

Знайте, преподобный отец, что месяц назад, выехав из миссии Санта-Марты, я проповедовал слово Божие в деревне чичимеков в пяти лигах к северу отсюда; милостью Божией мне удалось обратить многих язычников в святую веру, после чего они приняли крещение. Между этими людьми был один пленный; он происходил из племени, жившего в Теночтитлане, прежде чем наш великий капитан Фернандо Кортес завоевал этот город. Немного оставалось жить на свете дряхлому пленнику, когда я, недостойный, открыл ему путь к иному славному и вечному бытию; во время битвы, когда он попал в плен и когда все его товарищи были убиты, он был сильно изранен и, хотя его раны впоследствии зажили, остался недужным и слабым, а между тем в плену его принуждали к тяжелой работе. Таким образом, я едва успел просветить обращенного, как его душа рассталась с измученным телом и землею.

«Обращение его было вполне искреннее: он горячо каялся в грехах и страстно желал, чтобы славная вера свободы была проповедана одной многочисленной общине его народа, которая до сих пор пребывает в узах идолопоклонства. Все это было передано мне под условием тайны. И то, что он рассказал мне о своих соотечественниках, преподобный отец, и о чудесном потаенном городе, где они живут, и о громадном сокровище, которое они охраняют, я сообщу теперь вам одному, прежде чем это дойдет до злонамеренных ойдоров аудиенции, а вы перескажете мои слова королю. Вот тайна, переданная мне.

В очень древние времена, – говорил пленный, – народ наш вышел из семи пещер в западной области этого материка и долго странствовал, отыскивая место для постоянного поселения. Одно время народом ацтеков правил царь, обладавший даром пророчества. Царь этот, по имени Чальзанцин, предсказал, что в последующие века с запада придет армия светловолосых, бородатых людей, которая победит народ его расы: многих убьют, остальных же обратят в рабство. Ему стало горько от этого предвидения, и он дал себе слово запастись источником силы, откуда его потомки могли бы черпать, в эти последующие времена, во дни бедствия, чтобы спастись от жестокой смерти и еще более жестокого рабства. С этой целью он задумал выстроить укрепленный город в одной обширной долине, лежащей на здешнем материке и скрытой между горами; новый город он населил самыми храбрыми и сильными людьми своей расы. После того царь установил для них вечный нерушимый закон, по которому юноши, достигшие зрелости, осуждались на смерть, если оказывались слабосильными или калеками, или трусами. Этим путем он желал сделать натуральный прирост населения таким же крепким, как перво-

бытные жители. Оказавшиеся негодными приносились в жертву богам. Таким образом, мудрый царь позаботился, чтобы во время нужды у его народа была под рукой сильная армия храбрых воинов, готовых сразиться со светловолосыми, бородатыми людьми и победить их для спасения страны.

И еще более того сделал царь Чальзанцин для укрепления и спасения своей расы в позднейшие времена. В стенах построенного им города Кулхуакана он велел поставить громадную сокровищницу, куда свез такие запасы золота и драгоценностей, каких не было собрано нигде с начала мира. И дал царь приказ, чтобы в том случае, если сила армии, которая выйдет из города, окажется недостаточной для победы пришлых врагов, эти громадные богатства были употреблены на выкуп народа, чтобы он не погиб и не был поработен.

Устроивши все это, король Чальзанцин удалился из долины Азтлана, оставив позади себя прекрасную колонию, основанную им, и пошел странствовать со своим народом, как было повелено их богами, до тех пор, покуда не снизойдет знамение с неба, чтобы показать им, где они должны поселиться. Желая, чтоб его мудрые повеления не были нарушены, он повел свой народ из той долины самыми опасными переходами и окольными путями из опасения, чтоб его люди не вздумали вернуться туда. А чтоб оставшиеся не последовали за ним, он заложил за собой выход крепкими засовами.

Достигнув преклонного возраста, мудрый король скончался; наконец время странствования ацтекского племени пришло к концу; им явилось знамение с неба, указующее на долину Анагуака как на место поселения. Тут они выстроили город Теночтитлан, завоеванный храбрым капитаном, доном Фернандом Кортесом, в недавнее время. Его победа в точности подтвердила пророчество короля Чальзанцина в древние времена».

Но пленный индеец рассказал мне далее, что перед самым приходом испанцев последовало знамение, предостерегавшее против бедствия; это предостережение было также предсказано царем Чальзанцином и оно состояло в том, что неожиданно погас священный огонь, охраняемый жрецами на одном высоком холме. Между тем всякие сведения о соплеменниках, спрятанных в Азтланской долине на случай помощи в опасное время, затерялись во мраке времен, так как царь приказал не оставлять ясных указаний и мест колонии, основанной им, чтобы ацтеки не сделались слабыми, рассчитывая на чужую силу и покровительство. Таким образом, эти сведения оставались тайной, известной только немногим жрецам царской крови; у них хранился также знак царя Чальзанцина, который следовало послать в укрепленный город Кулхуакан, когда понадобится вызвать оттуда войско, и карта с начертанным на ней путем в Азтлан. Таким образом, когда священный огонь потух, жрецы были готовы к грозящей беде; и когда им стало известно о прибытии испанцев с моря – «светловолосых, бородатых людей, пришедших с запада» – они предупредили своего царя Монтесуму, что пророчество исполнилось и пришло время посылать за армией и золотом.

Послом был выбран жрец царской крови; с ним пошел другой помоложе, его сын. Они взяли с собой отряд воинов, в котором находился и этот пленный индеец, потому что им предстояло идти через области, населенные дикими племенами. Впрочем, принятая предосторожность не послужила ни к чему: дикие индейцы напали на них в таком громадном числе – не далеко от того места, где находится миссия Святой Марты, – что весь отряд был побежден и перебит, исключая одного этого человека, который попал в плен, полумертвый от ран. Однако же, по его словам, между убитыми не было найдено ни трупа младшего жреца, ни знака, доверенного ему, ни карты, указующей путь. Некоторое время пленный надеялся, что младший жрец благополучно спасся и ему удастся проникнуть в укрепленный город Кулхуакан со своим поручением; но проходили годы, а помощь ацтекам не являлась, и надежда постепенно умерла в его сердце.

Вот, преподобный отец, удивительная история, рассказанная мне тем индейцем; он говорил с искренней убедительностью верующего человека, преданного христианству и сознаю-

щего, что ему недолго осталось жить. Новообращенный горячо умолял меня послать в потаенную крепость, к язычникам, его братьям по крови, кого-нибудь из наших проповедников, чтобы просветить их словом Божиим, избавить от цепей идолопоклонства и сподобить благодати христианского милосердия. Действительно, сокровище, охраняемое ими, можно взять для того, чтобы употребить некоторую его часть в этой стране на служение Богу, остальное же отослать нашему государю-королю.

Выполнить это не особенно трудно; вместо знака, который дал бы право нам войти в Кулхуакан, достаточно слова Божия и военной силы с мечами и магчлоками. Здесь не послужит препятствием также и то, что карта, указывающая путь, затеряна. По словам индейца, эта дорога так хорошо обозначена, что, найдя ее раз, не собьешься с пути до самого конца. Там, на расстоянии одной или двух лиг по гладким местам на скалах вырезана та же фигура, как и на царском знаке, а вместе с нею стрела, указывающая ближайший поворот: эти два знака, по словам языческого жреца, повторяются до самого входа в долину Азтлана. А чтоб я не ошибся, он повел меня к одному месту на расстоянии лиги к западу от миссии Санта-Марта и указал мне одну из этих фигур, вырезанную на скале, со стрелой внизу. Приложенная мной копия обоих рисунков совершенно верна. Идя дальше по направлению, указанному стрелой, мы нашли другой такой же условный знак менее чем в двух лигах расстояния к северу. После того я не сомневался более в истине слов индейца, убедившись собственными глазами, что он говорит правду. Итак, преподобный отец, позвольте мне присоединить и мою личную просьбу к искренним мольбам этого человека о спасении душ его братьев: осмеливаюсь просить вас, чтоб вы включили меня в число миссионеров, которых отправите проповедовать слово Божие к этим язычникам в их потаенной крепости; хотя я недостойн такой чести, но мне хочется послужить Господу.

Тем более убедительно испрашиваю я этой милости, потому что в миссии Санта-Марта мне приходится обрабатывать бесплодную ниву. Несколько сот язычников, принявших от меня крещение, показывают очень мало усердия к вере и я не вижу в них почти никаких следов духовного возрождения. Многие из них, к моему прискорбию, придерживаются втайне своих языческих обрядов, а на христианское богослужение смотрят, как на забаву. Когда им надоест новая религия, что при их легкомыслии, без сомнения, случится скоро, они вернутся к идолопоклонству и, вероятнее всего, принесут меня в жертву своим языческим богам. Я знаю наверно, что, так или иначе, эти варвары разделяются со мной, а между тем, преподобный отец, ведь мне всего только двадцать три года: в этом возрасте еще слишком рано умирать! Да и как еще умирать: среди бесчеловечных, жесточайших пыток! Я же страстно хочу жить, не ради одного удовольствия, а ради того, чтоб послужить Господу и нашему отцу, святому Франциску, спасая души язычников. Поэтому я прошу включить меня в число наших миссионеров, когда двинется армия для завоевания потаенного города; там я готов со всем усердием проповедовать слово Божье язычникам, которые останутся в живых, после того как наши солдаты возьмут твердыню Кулхуакана своим победоносным мечом.

Поручаю вас, преподобный отец, милосердию Божью во всех путях ваших и молю, чтоб Он хранил вас от всякого зла в сей временной и будущей жизни. Недостойнейший из ваших служителей Франсиско де лос Ангелес.

– В самом деле, – сказал фра-Антонио, окончив чтение, – этот брат мой был недалек от истины, когда подписался недостойнейшим из подчиненных епископа. Если б у меня в руках не было такого документа, я отказался бы поверить, что один из нашего ордена в Новой Испании мог думать в такое время о спасении своей жизни, когда нужно было трудиться во славу Божью.

Что касается меня, то я был тронут человечностью этого крика о помощи со стороны несчастного брата Франциска, слова которого дошли до нас из мертвой глубины прошедшего; но печальнее всего было то, что, по всей вероятности, его постигла жестокая смерть от руки варваров, внушавшая ему такой ужас. Очевидно, он не обладал сильным характером, и его

слабость обуславливалась еще юными годами; однако молодой человек не был виноват в своих природных свойствах, да и, наконец, в нем нашлось достаточно мужества для борьбы с опасностями, иначе он не оставался бы на своем посту, пока его не постиг трагический конец. А ведь ему было «только двадцать три года!»

Но когда я высказал свое мнение на этот счет фра-Антонио, монах отвечал суровым тоном:

– Этот малодушный брат пренебрегал своей обязанностью. Господь посылал ему случай умереть славной смертью за веру; он же, вместо того чтоб с радостью принять такую высокую награду, только и думал о том, как бы ему сохранять временную жизнь. Если бы все христианские проповедники поступали таким образом, то христианская вера давно погибла бы на земле. *Semen est sanguis Christianorum*, как прекрасно выразился Тертулиан Карфагенский, а позднее блаженный Иероним.

Говоря таким образом, фра-Антонио выпрямил свой гибкий стан, а в его голосе звучала такая повелительная суровость, что он мгновенно преобразился. Передо мной стоял человек, совсем не похожий на кроткого ученого, которого я успел полюбить. Но в эту минуту, когда мне удалось заглянуть в глубь его характера, я убедился, что в нем ожил дух христианской церкви ранних времен, и тут мне стало понятно в первый раз в жизни, какого закала были те люди, которые, услыша приговор своих палачей: «Ко львам!», радостно встречали свою жестокую участь, веруя, что смертные не имеют над ними никакой власти, и уповая на милосердие своего христианского Бога.

Однако вслед затем лицо монаха сделалось печально и выразило раскаяние:

– Да простит мне Господь, что я осудил своего брата, который давно уже был осужден! Кто знает, может быть, в час испытания он встретил смерть с такой же непоколебимой твердостью, как и другие мученики? И кто знает, – продолжал фра-Антонио, переходя в более мягкий тон, как будто думая вслух, – каким образом я сам... впрочем, Господь посылает силу... – Потом он умолк, только его губы шевелились, произнося тихую молитву.

Стоит мне закрыть глаза, и я вижу его перед собой, стоящим возле старого каменного фонтана, посреди цветов, в блеске солнечного сияния; задумчивый взгляд монаха направлен куда-то вдаль, точно перед ним на минуту открылась завеса будущего; энергичное тонкое лицо выражает суровую решимость, но привлекательные черты смягчают это выражение: до того они дышат кротостью, любовью и нравственной чистотой. Не знаю, о чем молился тогда фра-Антонио в старом монастырском саду, но я уверен, что его молитва была услышана. По-моему, не простая случайность заставила нас откровенно разговориться не о чуде, заключавшемся в письме брата Франсиско, а о самом брате Франсиско и о его кончине.

Потом наше внимание занял главный предмет письма. Сам по себе он был уже достаточно удивителен, но еще удивительнее было убеждение, которое мы твердо разделяли оба, что если потаенный город Кулхуакан когда-либо существовал, то он существует и до сих пор. Наша уверенность была вполне логична, принимая во внимание правдивость истории, рассказанной индейцем. Город был скрыт от самих ацтеков на долгий период, обнимавший несколько столетий; даже дикие индейцы, случайно нашедшие долину, где он стоял, не сказали им о том; уже это одно было очевидным доказательством его безопасности от всяких вторжений. Ничего нет удивительного, что испанцы не открыли его во время своего первого нашествия на Мексику и что он остался неизвестным современным мексиканцам. Дело в том, что в Мексике до сих пор осталось много незаселенных пустынь. В области к западу от Тампико, в северо-восточных штатах Синалоа, Дуранго и Сонора или в отдаленных южных штатах Оахака и Чиapas, долина такой величины, как та, где лежит теперь город Мексико, могла остаться совершенно скрытой и неизвестной. Если же, согласно рассказу пленного, эта долина была выбрана для постройки Кулхуакана по причине своей недоступности и незаметного положения и если были приняты вышеописанные предосторожности, чтоб изолировать ее обитателей, она могла

оставаться забытой бесконечное число лет. Мы были вполне уверены, что никто не находил ее со времени вторжения испанцев в Мексику, потому что молва о таком чуде разнеслась бы по всему свету. Наконец, в самом имени города Кулхуакан заключалось подтверждение необыкновенной истории, дошедшей до нас таким странным путем, потому что этим именем не только называется в преданиях священное место ацтеков, где им являлось их божество Гуитцилопохтли и говорило своему народу, но и деревня, лежащая у подножия священной горы, в долине Мексико, – называемой ацтеками холмом Гуатцахтло, а испанцам – Холмом Звезды, – носит то же имя; на этой горе каждый раз при конце цикла пятидесяти двух лет возобновлялся священный огонь. Конечно, не случайно имя Кулхуакана дано этой деревне и этому священному месту; скорее они были названы так немногими избранниками, посвященными в великую тайну, чтобы напоминать им о запасном войске и неисчерпаемом богатстве, которыми они могут воспользоваться, если их страну и богов постигнет час испытания.

– Несомненно, – сказал фра-Антонио, – что сказанное здесь о тайной грамоте, известной только жрецам, пополняет один из пробелов в истории странствий ацтеков; но так как мы не знаем, к какому пропуску это относится, то у нас нет ключа для открытия потаенного города. Нет у нас ключа и к открытию миссии Санта-Марты, где мы могли бы поискать фигуры, начертанные на скалах, чтобы, руководствуясь ими, прийти в долину Азтлана. Миссия Санта-Марты, где служил мой брат Франсиско столько лет назад, могла находиться в любом месте Мексики, а так как она была незначительна и существовала недолго, нельзя надеяться, чтобы от нее остались следы. Если б у нас была в руках карта и знак, упоминаемые моим братом в письме, наш путь был бы ясен; без такого же руководства нам придется слишком долго плутать. Впрочем, я уверен, – продолжал фра-Антонио серьезным тоном, – что найду спрятанный город. В моей душе явилась твердая и радостная уверенность, что Господь призвал меня к самому славному делу – проповедовать Евангелие живущему там народу. Господь уже сотворил чудо, открыв мне это, и я не сомневаюсь, что он в свое время совершит другое чудо, которое поможет мне исполнить его предназначения.

Когда фра-Антонио говорил о карте странствования ацтеков, у меня явилась надежда, которой, по-видимому, предстояло перейти в уверенность. Взволнованный странным письмом – странным в том смысле, что со времени, когда оно было написано, до того момента, когда его прочитали, прошло три с половиной столетия – я забыл свое собственное открытие и намерение показать францисканцу разрисованную бумагу и любопытную золотую монету. Но когда монах заговорил о странствии, этот предмет внезапно пришел мне на память и тут же у меня явилось убеждение, что ключ, который приведет нас к спрятанному городу, находится в моих руках.

– Господь уже совершил это второе чудо! – радостно воскликнул я. – Вот вам и знак, и карта, указывающая путь!

Говоря таким образом, я раскрыл мешочек из змеиной кожи, снятый с груди мертвого кацика, и вынул его драгоценное содержимое.

Для меня не нужно было дополнительного доказательства, что здесь имеется все необходимое, чтобы привести нас в потаенный город. Тем не менее я был доволен, что в таком важном деле наше абсолютное убеждение будет подтверждено несомненным доказательством. А оно было перед нами: фра-Антонио, более хладнокровный, чем я, сравнил рисунок в письме с изображением на золотой монете и нашел их совершенно одинаковыми; на золотом кружке не доставало только стрелы, указывающей путь.

– А теперь, – с энтузиазмом воскликнул я, – нам предстоит открытия в археологии, каких не видывал свет!

– А теперь, – тихо и благоговейно произнес фра-Антонио, – мне предстоит такой подвиг во славу Божию, какой редко выпадает на долю человека.

V. Инженер и грузовой агент

Что над нами тяготеет странная судьба, в этом мы нисколько не сомневались, как фра-Антонио, так и я. Не простая случайность свела нас вместе, а потом в наши руки попали такими странными путями (в отдаленных одно от другого местах, но почти одновременно) две древних рукописи. Каждая из них сама по себе не имела бы значения, но вместе они ясно показывали путь к такому удивительному открытию, какому нет подобного в мировой истории.

Едва только я вполне уразумел, какое интересное приключение ожидает меня и какую почетную известность доставит оно мне, как решил держать все это в секрете от моих товарищей – археологов до тех пор, пока представится возможность сказать им не о том, что я намерен делать, но о том, что уже сделано; у меня не было ни малейшего желания поделиться с ними высокой честью, которая по праву выпадет на мою долю, когда я опубликую результаты своих исследований об этой изолированной общине, дожившей до наших дней в неприкосновенном виде с доисторических времен. Мне было очень приятно, что фра-Антонио совершенно согласился со мной и не желал разглашать до времени нашу тайну. Как я вижу теперь, им руководила в данном случае единственная слабая струна, открытая мной в этом безупречном человеке. Как я решил не делить с другим археологом высокой чести открытия первобытной общины, так и фра-Антонио решил, что ему одному должна принадлежать слава евангельской проповеди в этой области глубокой языческой тьмы, которую он жаждал разогнать лучезарным блеском христианского учения. Если с его стороны это был грех, то, вероятно, этот грех разделяли с ним многие праведники, давно попавшие в рай. Сам блаженный Франсиск, на совете в Маце, когда ему пришлось делить между своими последователями языческий мир, сказал, что они могут проповедовать христианство, где им угодно, а Сирию и Египет он оставляет за собой; им также руководила надежда, что не в одной, так в другой из этих стран его труды увенчаются славным мученичеством и, может быть, в этом отношении фра-Антонио хотел идти по стопам великого основателя своего ордена.

Но, хотя мы оба твердо держались намерения оставить за собой честь такого великого археологического открытия, с одной, и такого великого христианского подвига, с другой стороны, нам не приходило в голову братья за наше предприятие совсем без товарищей. Пускаясь в далекий и неизвестный путь, нужно было пригласить с собой надежных спутников. Часть земель, по которым нам предстояло проходить, подвергалась набегам диких индейских племен; что могли сделать против их нападения двое одиноких странников, не имевших понятия о военном искусстве? Да, наконец, если б даже дикари оставили нас в покое, другие опасные случайности могли грозить нашей жизни, тогда как, вместе с товарищами, нам было легко преодолеть многие затруднения. Я, со своей стороны, сильно желал взять с собою кого-нибудь из моих соотечественников. Мексиканцы, несомненно, обладают большой любезностью, и это свойство внушает мне величайшее уважение, но каждый англичанин в критическую минуту, в особенности когда приходится сталкиваться с дикарями и биться с ними насмерть, предпочтет возле себя англичан, мужество и сила которых не имеют себе равных в свете, когда они дерутся рядом со своими соотечественниками. Но в данном случае меня затруднял вопрос, где я навербую этот англосаксонский контингент!..

Однажды вечером, сидя в ризнице фра-Антонио, где у нас постоянно происходили беседы, мы толковали о том, что нам следовало бы запастись надежными провожатыми. Вообще предприятие требовало всестороннего обсуждения. Мы почти уже решились организовать небольшой отряд из индейцев племени отоми и пригласить двух храбрых молодых людей, знакомых францисканца, себе в товарищи. Но, хотя я и одобрил этот план за неимением другого, однако он мне был не по душе; во-первых, я предпочел бы в данном случае иметь дело с англичанами, а во-вторых, мне казалось, что наши юные спутники разгласят о предприятии,

которое мы желали держать в тайне. Монах соглашался со мной. Итак, не придя ни к какому окончательному решению, я пошел домой сильно не в духе. При входе во двор гостиницы, до меня донеслись звуки губной гармошки Пабло, сопровождаемые громким смехом, и разговоры на английском языке: узнав веселых посетителей, я в то же время услышал, как один из них сказал на невозможном испанском языке:

– Вот тебе медио, если ты сыграешь нам еще песенку, мальчик; если же ты опять заставишь плясать под нее своего осла, то получишь целый реал.

Желая знать, что будет дальше, я притаился за одной из каменных колонн, поддерживающих галерею, и хотя на сердце у меня было невесело, но я не мог удержаться от смеха, увидев перед собой забавную сцену.

На противоположной стороне двора, возле Пабло и Эль-Сабио, стояли двое мужчин, которых по их типу можно было безошибочно признать за североамериканцев, если б даже встретить их на луне; один из них был высокий, мужественный, широкоплечий, коренастый, с могучей грудью и большими руками – настоящей атлет. Лицо его почти совсем заросло густой черной бородой, а выпуклый лоб и решительные черные глаза обнаруживали в нем большую энергию. Другой был маленький, полный, с большой круглой головой на толстой шее, с добродушным, гладко выбритым лицом, на котором выдавались широкие, сильно развитые челюсти. У него были веселые голубые глаза, а темя – свою шляпу фасона Дерби он держал в руках – было голо, как бильярдный шар. Только на затылке росла, как он сам выражался, щетина коротко обстриженных песочно-красных волос. Я познакомился с этими людьми тотчас по приезде в Морению и в продолжение двух или трех недель часто встречался с ними за табльдотом. И чем чаще мы встречались, тем больше они мне нравились. Высокий человек был Рейбёрн, гражданский инженер, работавший на строящейся железнодорожной линии, обязанность которого, очень подходящая к его расторопности, состояла в розыске грузов, по ошибке попадавших во время перевозки не в то место, куда они были адресованы. Оба они прожили много лет в малонаселенных местностях, среди всевозможных опасностей, и оба – о чем я инстинктивно догадывался, и что вполне подтвердилось впоследствии – были самыми надежными, стойкими и храбрыми людьми, каких только можно себе представить.

Мои американцы потешались и хохотали над необыкновенным зрелищем, где главными действующими лицами были Пабло и Эль-Сабио. Улыбаясь всеми частями лица, не принимавшими участия в игре на губной гармошке, Пабло исполнял на этом инструменте сильно мексиканизированную переделку песни «Передничек», которой он научился от мистера Янга, любившего насвистывать этот мотив. В то же время Мудрец с огорченным, но решительным видом поднимал в такт аккомпанементу то одну, то другую ногу, шевелил туловищем и кивал головой; его движениями управляла свободная рука Пабло. Длинные уши несчастного ослика мотались во все стороны, как бы протестуя против безрассудного моциона, которого требовали от его несчастных ног; иногда он не в такт махал хвостом, готовый остановиться, но его хозяин был неумолим и только, когда его самого разобрал неудержимый хохот, так что он не мог продолжать своей музыки, Эль-Сабио оставили в покое. Когда же пляска была окончена, в чертах животного отразилось такое тонкое презрение, какое только можно себе представить на морде осла.

– Здравствуйте, профессор, – крикнул Янг, увидев меня, – уж не бросили ли вы археологию, чтоб завести у себя цирк? Ваше редкое приобретение доставит вам целое богатство, когда вы вернетесь в Штаты. Если же вы не захотите сами показывать публике своих диковинок, я беру это на себя на половинных издержках; Рейбёрн, вероятно, тоже не откажется поступить в наше заведение клоуном: у него прекрасные задатки в этом направлении. Теперь мы оба остались без работы; надо же чем-нибудь кормиться.

– Как, вы остались без работы? – спросил я, обмениваясь с ними рукопожатиями.

– Да, наша железная дорога опять встала на дыбы, что с ней случается периодически! – отвечал Янг. – Акционеры перессорились, постройка приостановлена, издержки на работу уменьшены и много народу осталось без места. Я думал, что мы с Рейбёрном составим исключение или переждем, пока это все успокоится... Впрочем, я давно собирался покинуть проклятую здешнюю сторонку и полагаю, что все случилось к лучшему; только жаль, что перемена произошла внезапно, потому что у меня нет теперь в виду ничего определенного, да и у Рейбёрна тоже... Одним словом, если вы хотите сформировать свой цирк, то мы готовы служить. Откуда вы откопали этого мальчика с ослон? Вот уж, бесспорно, редкие экземпляры!

– Не думаю, чтоб вы могли рассчитывать на меня как на клоуна, профессор, – сказал Рейбёрн, – но я могу поступить к вам в сторожа или занять другую подходящую должность. Впрочем, едва ли нам с Янгом понадобится служить в цирке; что мы оба теперь без работы – это правда, но железнодорожная компания заплатила нам до конца будущего месяца и снабдила бесплатными билетами до Сан-Луи. Нам нечего горевать; Янг стремится домой, а мне хотелось бы проехаться по Мексике и посмотреть, каковы здесь места, тронутые цивилизацией. С тех пор как я тут, мне все приходилось работать по одним трущобам. Вот я и хотел бы посетить теперь на досуге древние храмы или что-нибудь подобное. Вы можете дать мне полезный совет в данном случае, профессор. Ну, скажите, с чего бы мне начать: не знаете ли вы какой-нибудь интересной руины?

С первой же минуты, когда я увидел обоих товарищей на дворе нашей гостиницы, мне пришло в голову предложить им принять участие в наших поисках скрытого города и я с удовольствием прислушивался к тому, что они мне говорили; при настоящих обстоятельствах мне не надо было упрашивать их бросить выгодную работу для сомнительного предприятия. Таким образом, мы пошутили насчет цирка, поболтали о разных посторонних предметах, а после веселого ужина втроем в ресторане «Ла-Соледад»¹ (странное имя для ресторана) я пригласил их к себе в комнату выкурить сигару. Хороший ужин и хороший табак – в Морелии мы курили тепикские сигары превосходного качества – привели моих американцев в самое хорошее расположение духа; воспользовавшись этим, я посвятил их в свой великий проект. Они узнали от меня все подробности: о моем странном приключении в деревне, о грамоте и золотой монете, переданных мне качиком с глазу на глаз; о письме, найденном фра-Антонио, и о том, как эти две находки навели нас на открытие ацтекской общины, которая, по всей вероятности, существовала неприкосновенной до сих пор, не считая каких-нибудь незначительных перемен со времени своего основания за много веков до покорения Мексики испанцами. С энтузиазмом и, надо полагать, с большой убедительностью распространялся я о неоценимом приобретении для археологии, которое явится в результате предположенных нами изысканий; коснулся также и того, какое важное научное значение будет иметь тщательное описание миссионерского подвига францисканца. Ведь это будет первый случай в мировой истории, когда беспристрастный этнолог опишет, каким образом языческий народ принял доктрину христианства! Одним словом, я выставил свой проект с самой блистательной стороны, говорил с большим жаром и увлечением и закончил тем, что предложил американцам принять участие в нашей экспедиции, которая обещала прибавить так много к сумме человеческих знаний в области самых интересных предметов, какие только могут представиться человеческому уму. Но увы, окончив свою пламенную речь, я, к моему величайшему прискорбию, заметил, что мистер Янг крепко заснул.

Рейбёрн не спал и слушал меня довольно внимательно, но решительно не разделял моего энтузиазма.

– Видите ли, профессор, – сказал он, – дело в том, что у меня очень мало свободного времени. Путешествовать с вами месяц или два – это еще куда ни шло, но, если не ошибаюсь,

¹ La Soledad (исп.) – одиночество.

вы полагаете, что для достижения существенных результатов вам понадобится не менее года; а я никак не могу пожертвовать годом на то, что, по моему разумению, будет пустым бездельничеством. Дома у меня, на мысе Код, остались сестра да старушка мать, которых я должен поддерживать, и мне нужно скоро приняться за работу. Ваше предприятие, несомненно, принесет вам славу, и я желал бы разделить ее, но слава – недоступная мне роскошь; я должен заниматься тем, что приносит деньги.

Голос Рейбёрна разбудил Янга. Он прислушался к словам товарища и, полуоткрыв глаза, одобрительно кивнул головой на его практическое замечание, после чего, громко зевая, прибавил со своей стороны:

– Да, все будет зависеть от степени выгоды. Ведь мы здесь не для того, чтоб бить баклуши, профессор; надо тоже знать, какие барыши нам останутся. Если б ваш проект обещал наживу, я охотно поехал бы с вами, но так как тут дело пахнет не тем... Знаете, профессор, поговорим об этом в другой раз, право, лучше в другой раз!

– Что вы, опомнитесь! – воскликнул я. – Уж где можно нажить деньги, так это здесь. Разве я не сказал вам, что в спрятанном городе ацтеков собраны несметные богатства, каких еще никогда не стекалось в одно место от начала мира?

– Нет, разрази меня гром, я не слышал этого! – отвечал Янг с большим жаром и поспешностью. – Вы не обмолвились о кладе ни единым словом, пока я еще не спал. Что он говорил такое о несметных богатствах, Рейбёрн? Теперь я проснулся и не стану спать до тех пор, пока разговор будет идти о деньгах.

– Вы действительно ничего не говорили про сокровища ацтеков, профессор, – подтвердил Рейбёрн. – Я и сам не прочь о них послушать. Если в вашей экспедиции, кроме славы, мы приобретем еще и деньги, так ведь это совсем иное дело. Изыскания только ради пользы науки для меня действительно недоступная роскошь; но когда речь зашла о барышах... Расскажите же нам о своих видах, любезный Пэлгрейв! Может быть, мы с вами и поладим.

Признаюсь, я был немного разочарован такой практичностью молодых людей; они же горячо ухватились за то, что казалось мне пустяками и о чем я даже забыл упомянуть. Но потом я рассудил, что каково бы ни было побуждение, заставляющее американцев принять участие в нашей экспедиции, это решительно все равно; мы нуждались в надежных товарищах и, пожалуй, весь успех предприятия зависел от того, захотят ли эти двое храбрых и бывалых людей примкнуть к нам. Тут я принялся до того заманчиво описывать несметные богатства ацтеков, что глаза американцев разгорелись, а в голове у них до того зашумело, что даже лбы покраснели, а дыхание сделалось прерывистым. Впрочем, я сам вдохновлялся по мере того, как говорил. До сих пор скрытые сокровища не прельщали меня; я был исключительно поглощен научной стороной открытия, которое надеялся совершить. Но теперь меня сильно заняла мысль о том, что, трудясь ради успехов науки, я мог получить в свое распоряжение громадное богатство. Великолепное открытие обещало быть обставленным самым грандиозным образом и тем сильнее поразить свет. В сравнении с моей книгой «Условия жизни на североамериканском материке до Колумба», великое произведение лорда Кингсборо как по форме, так и по содержанию, окажется совершенно ничтожным вкладом в науку. Распространяясь о громадных размерах скрытого сокровища, я не боялся впасть в преувеличение, зная наверняка, что в сокровищнице ацтеков, находившейся в потаенной долине, было собрано столько золота, что его достало бы на выкуп целой нации.

– Итак, согласны ли вы отправиться с нами? – спросил я, окончив свое блистательное описание.

– Ладно, нечего и толковать, профессор! – последовал предсказуемый ответ Янга.

– И на меня вы можете вполне рассчитывать, – заявил Рейбёрн и прибавил: – Клянусь Юпитером, Пэлгрейв, когда я получу свою долю, то куплю весь мыс Код целиком со всем, что на нем есть!

Вот и подобралась наша компания. Фра-Антонио взялся за дело из любви к Богу, я – из любви к науке, а Янг с Рейбёрном – из любви к золоту. Что же касается мальчика Пабло, то он не мог бы сказать, почему примкнул к нам. Он просто взял и поехал с нами.

VI. Царский символ

Фра-Антонио был очень рад, когда я ему сообщил, какими надежными товарищами мне удалось заручиться. Когда же он повидался с Рейбёрном и Янгом и переговорил с ними – впрочем, с Янгом у них был короткий разговор, так как разбитной американец немилосердно коверкал испанский язык, – то остался вполне доволен, согласившись со мной, что мы не могли найти более подходящих людей для своего предприятия.

Покончив свои совещания, мы недолго тянули и свои сборы в дорогу. Рейбёрн, которому приходилось много путешествовать как инженеру с деловой целью, был очень опытен на этот счет и, руководствуясь его практическими советами, мы быстро и основательно приготовились к своей экспедиции, причем избрали его своим руководителем. У него и Янга был полный комплект вооружения, какое употребляется в пограничных странах – ружье системы Винчестера и большой револьвер; однако оба они приобрели еще по другому револьверу про запас; я последовал их примеру и также запасся парой револьверов и винчестером, хотя сильно сомневался в душе: сумею ли за них взяться в случае нужды. Фра-Антонио решительно отказался носить оружие, и после того, как он случайно разрядил один из моих пистолетов, взяв его в руки, чтоб рассмотреть, причем пуля прожужжала как раз возле моего уха и прострелила шляпу Янга, мы все пришли к тому заключению, что чем меньше этот богоугодный человек будет иметь дело со смертоносным оружием, тем безопаснее будем всем нам. Янг носил шляпу фасона Дерби, – самую неудобную по мексиканскому климату, – но по какой-то необъяснимой причине ужасно дорожил ею и был до того рассержен, что ее прострелили ни с того ни с сего, что несколько дней серьезно дулся на фра-Антонио.

Но кого привела в восторг необходимость вооружиться, так это моего Пабло. Он был ловкий мальчуган и, когда ему удалось доказать свою способность владеть револьвером, сделав несколько удачных выстрелов из моего собственного (в цель, устроенную для упражнений в коррале), я привел его в несказанное восхищение, купив ему особенный пистолет. После того Пабло вырос, кажется, на целых два дюйма. Он даже начал ходить левым бедром вперед, чтобы лучше выставить на вид эту военную принадлежность, и до такой степени важничал своей обновкой, что нельзя было смотреть на него без смеха. Даже губная гармошка была им забыта на некоторое время; вернувшись как-то в корраль, я увидел, что он показывает свой револьвер Эль-Сабио; ослик смотрел на оружие с несколько скучающим видом, что, по-видимому, пришлось не по сердцу его господину.

Рейбёрн решил, что мы удачнее достигнем цели, не набирая с собой лишних людей; он доказывал, что если нам нельзя захватить в страну индейцев действительно значительный отряд, то мы будем безопаснее при небольшом числе участников экспедиции; тогда каждый из нас будет сознавать необходимость постоянно держать себя настороже; кроме того, небольшим отрядом и легче управлять, и легче ему держаться вместе во время бегства. А в случае битвы с неприятелем каждый из нас будет драться смелее и упорнее, рассчитывая на поддержку остальных. Слова товарища показались нам вполне разумными, и мы тотчас согласились с ним. Рейбёрн прибавил к нашей компании только троих человек: двух индейцев племени отоми, о которых фра-Антонио дал хороший отзыв, и Денниса Кирнея, плотника, служившего у него под началом при постройке железной дороги. Деннис был весельчак с таким запасом ирландских песен в голове, который обогатил бы средневекового менестреля. Они сразу подружились с Пабло, хотя Кирней не говорил ни слова по-испански, а Пабло не говорил по-английски, и единственным связующим звеном служила для них музыка. Пабло умудрился переделать чисто на мексиканский лад известную песенку «Рори О'Мор» и, когда исполнил перед нами свое новое произведение, мы покатались со смеху. Пока Пабло играл, Деннис стоял возле него, склонив голову на один бок с таким же внимательным и критическим видом, как и Эль-Сабио;

а когда Пабло принимался врать, что с ним неизбежно случалось при исполнении бравурных пассажей, Деннис останавливал его, махая рукой и говоря: «Что ты, что ты, голубчик! Это хорошо для мексиканцев, но уж совсем не по-ирландски». И тут он показывал ему хорошую ирландскую манеру исполнения «Рори О'Мор». Старые каменные арки содрогались от его могучего голоса, способного поспорить с целым духовым оркестром. Бедняга Деннис! Не дальше как вчера шарманщик наигрывал под моим окном «Рори О'Мор», и я припомнил, как слышал в последний раз голос Денниса, распевавшего эту песню, припомнил, какое геройское сердце билось в груди этого грубого весельчака, и вдруг нервный спазм сжал ее горло, а глаза наполнились слезами.

Пожалуй, это было к лучшему, а не то и к худшему, – как хотите! Но мы не могли предвидеть ожидавших нас превратностей в то утро, когда беспечно навьючивали своих мулов в коррале гостинцы, собираясь в путь, на котором встретили столько опасностей, прежде чем достигли цели.

Желая наполнить кубок блаженства моего Пабло до самых краев – совесть упрекала меня немного за то, что я беру мальчика с собой – я купил ему дождевой плащ из пальмовых листьев, который он так давно желал приобрести. Этот новый подарок, вместе с револьвером и с перспективой дальнего путешествия (мой молодой слуга был страстный любитель кочевой жизни, что, впрочем, свойственно всей его расе), едва не свели мальчишку с ума от радости. Он как будто совсем потерял голову: сначала нарядился в свой нелепый дождевой плащ, а потом принялся выкидывать такие глупости, что даже Эль-Сабио посмотрел на него с упреком – именно в ту минуту, когда Пабло вздумал навьючить на спину бедного ослика тяжелый тюк, предназначенный для одного из крупных мулов. Одним словом, малый скорее служил нам помехой, чем помощью. Когда же наступило время пуститься в дорогу, его пришлось разыскивать по всем углам, и нам, пожалуй, совсем не удалось бы найти шального мальчика, если б не звуки музыки, донесшиеся до нас из дальнего закоулка, где Пабло изливал свой восторг и волнение, наигрывая на губной гармошке новую песню, которую Янг насвистывал в то утро и очаровал ею нашего музыканта.

Мы составляли довольно внушительную кавалькаду, выезжая из ворот отеля и направляясь вдоль Калле Насиональ, – главной улицы города, – к Гарита дель-Пониэнте. Мы с фра-Антонио ехали впереди; за нами Рейбёрн и Янг, сопровождаемые Деннисом Кирнеем; за ними следовало двое вьючных мулов под надзором двоих пеших индейцев отоми, а Пабло замыкал шествие в своем дождевом плаще с револьвером, выставленными, напоказ; он ехал на Эль-Сабио с таким достоинством, какое сделало бы честь самому вице-королю. Пабло, конечно, был крайне забавен, но я ни за что не дал бы заметить ему этого. Фра-Антонио надел в дорогу свою монашескую одежду; он пользовался этой привилегией с разрешения губернатора штатов, чтоб его священническая ряса служила ему защитой во время странствий между индейскими племенами. Все полагали, что францисканец едет куда-нибудь в качестве миссионера – просвещать диких индейцев в горных местностях – и присоединился к нам только на время для большей безопасности. Я распустил слух, что также отправляюсь к индейцам с целью изучения их нравов и обычаев. Рейбёрн, которого считали хозяином каравана, говорил, что он командирован для ознакомления с местностью, где будут прокладывать новую железнодорожную линию. Чтобы не возбуждать напрасных подозрений и лучше скрыть свои следы, мы выехали из западных ворот города и целых два дня продвигались на запад, прежде чем повернуть на настоящую дорогу.

В начале все шло благополучно; мы быстро подвигались вперед безо всяких приключений, не считая обыкновенных случайностей в дороге. Наконец мы удалились более чем на триста миль от Морелии и пришли как раз к тому месту, где, согласно карте ацтеков и указаниям в письме покойного монаха, стояла миссия Санта-Марта три с половиной столетия назад. От нее,

конечно, не могло остаться следов, но мы осмотрели каждую скалу в окрестностях в надежде отыскать начертанную на ней символическую фигуру, служившую условным знаком.

В течение двух или трех дней нам пришлось проезжать по совершенно пустынной и крайне дикой местности. С запада горизонт замыкался здесь грядой гор, обнаженные острые вершины которых вырисовывались зубчатой линией на небе. Страна, отделявшая нас от горной цепи, представляла собой несколько параллельных рядов скалистых холмов, разделенных широкими отлогими долинами, где почва была густо покрыта кактусами и садовыми кустарниками; единственные деревья, разнообразившие эту монотонную растительность, были пальмы пита – самое мрачное дерево, какое только можно себе представить. Дороги здесь не существовало, и проезд по этой густой заросли кустарников предоставлял много затруднений; нужна была вся опытность Рейбёрна, развитая практикой до удивительной степени, чтобы проложить нам путь через эту колючую чашу; местами индейцам приходилось работать своими мачете, а Деннису – топором, чтобы прорубить нам тропинку, и несмотря на крайнюю осторожность наши руки были изрезаны и исцарапаны, а ноги несчастных лошадей и мулов сочились кровью.

Страшная засуха, господствовавшая в этой бесплодной пустыне, еще более мучила нас. Сильный сухой ветер постоянно дул с севера, крутя столбами тончайшую пыль, покрывавшую почву; такие миниатюрные песчаные смерчи называются мексиканцами «ремолино»; они крутятся и пляшут по долинам, точно призраки; однажды такой ремолино налетел прямо на нас и мы были моментально покрыты колючей пылью, которая буквально сожгла нам лицо. Воды можно было достать, только выкопав яму в аррохо – песчаной полосе, пролежавшей вдоль долин, и хотя вода в ней была мутна и сильно отдавала щелочью, однако она представляла единственную вещь, о которой я с удовольствием вспоминаю в этой пустынной стране. Фауна здесь совершенно отсутствовала. Тут водились одни гремучие змеи. Правда, кроме них появлялись еще крупные сычи: они летали над караваном, как будто выслеживая наш путь и выжидая, когда мы погибнем в пустыне от жажды и изнурения, чтобы полакомиться нашим мясом.

К концу третьего дня этого утомительного перехода мы достигли большой западной гряды гор и расположились на ночлег при входе в маленькую долину, открывающуюся между холмами у подножия горной цепи. Накануне вечером у нас обнаружился недостаток воды, так что в течение двадцати четырех часов нам пришлось довольствоваться крайне скудным количеством ее, всего по одной пинте на человека. Пабло, я уверен, отдал половину своей порции Эль-Сабю; другие животные не получили и того; все, что мы могли для них сделать, это обтереть им запыленные рты и носы мокрой губкой. Они были крайне жалки, с израненными в кровь ногами, блуждающим взглядом, высунутыми, языками и судорожно вздрагивающими ребрами. Когда фра-Антонио расседлывал свою лошадь, я увидел слезы у нее на глазах; но все мы, остальные, кажется, более думали о своей собственной усталости и не особенно жалели несчастных животных. Я полагаю, что, только испытав, как мы, такой же сильный недостаток в воде, человек начинает понимать, до чего она драгоценна. А чтобы дать понятие об этой драгоценности тем, кто имеет возможность не только пить ее в изобилии, но и наполнять ею ванну, чувствовать ее отградную свежесть на своем обнаженном теле, я скажу, что, когда в выкопанной нами яме скопилось столько воды, сколько нам было нужно, мы радовались этому больше, чем возможности найти скрытый город, который разыскивали. Наш импровизированный колодец был выкопан в песчаной почве аррохо, посреди узкой долины, густо поросшей сочной травой и пролежавшей между двумя холмами предгорий. Обилие и приятный вкус воды, как и присутствие свежей растительности, убедили нас, что недалеко должна быть река. Мы напились досыта, так же как и наши мулы и лошади, а потом наполнили водой бочонки; пользуясь ее изобилием, мы даже смыли пыль и грязь со своего лица, рук и шеи. После этого умывания наши лица напоминали сырое мясо, а кожа на них горела, точно обожженная крапивой. Теперь мы были намерены покинуть равнины и ехать вдоль цепи холмов, параллельной с горной грядой; иначе мы не рискнули бы вымыться. В местностях, где в воздухе носится пыль щелочей,

мыться очень вредно, потому что чистая кожа делается еще восприимчивее к действию этого едкого вещества.

Скорее с целью избавиться от тягости дальнейшего путешествия по бесплодным равнинам, чем вследствие надежды найти желанный путь, мы решили переменить направление. Янг начал открыто насмехаться над картой ацтеков, да и все мы, остальные, усомнились в том, что она может служить нам руководством. В сущности, древняя живописная грамота не была картой, как мы привыкли понимать это слово, и для того, чтоб она могла указать нам дорогу, недостаточно было верно понимать ее курьезный символизм. Наши выводы могли быть верны только в том случае, если и мексиканские археологи не ошиблись, истолковывая карту первого странствия ацтеков, так как наша карта служила ей только секретным дополнением. Если же оба толкования были ошибочны, тогда, может быть, мы находились за сотню миль от того места, где следовало искать дорогу, обозначенную царским символом, вырезанным на скалах. Нам оставалось еще три или пять часов до заката солнца, после того как мы выкопали колодезь и утолили жажду; не желая, однако, изнурять лошадей и мулов, мы не пошли дальше, а предоставили им пастись на лугу, тем более что и сами нуждались в отдыхе и подкреплении сил.

Янг с Деннисом приготовили превосходный обед; утолив голод, мы закурили трубки и стали держать нечто вроде военного совета, а чтоб нам можно было без стеснения говорить и по-английски, и по-испански, немного удалились от того места, где оба отоми и Пабло отдыхали на траве. Кроме того, Деннис по нашей просьбе отправился посмотреть, что находится за ближайшим холмом, чтоб мы могли знать, при каких условиях нам придется ехать, когда мы завтра поутру пустимся в дорогу: мы по-прежнему не желали посвящать младших участников нашей экспедиции в свои намерения. Между нами было решено, что когда мы отыщем настоящую дорогу и таким образом цель нашего странствия определится, то Деннис, Пабло и оба индейца будут отчасти посвящены в наш проект и мы предоставим на их усмотрение следовать за нами или вернуться обратно. Нам не приходило в голову, что обстоятельства могут сложиться совершенно иначе и помешать этому добровольному выбору. Совещаясь таким образом, мы разложили перед собой карту Мексики вместе с грамотой кацика и снимком с карты, показывавшей великое переселение ацтеков. Однако наши совещания не приводили пока ни к чему, мы не знали, на чем остановиться и с чего удобнее начать свои поиски. Согласно указаниям в наших странных гидах мы прошли по всем направлениям ту местность, где некогда стояла миссия Санта-Марты, но до сих пор не видели никаких следов начертанных фигур на скалах. О возобновлении этих поисков нечего было и думать; это оказывалось слишком утомительным, да и бесполезным; по-видимому, нам оставалось только отказаться от бесплодной попытки, так как мы решительно ничего не добились.

– По-моему, – заметил Янг, – и этот умерший монах, и эта старая образаина – кацик просто сыграли с нами штуку: оба они врут, как редьку садят, вот вам и все! Поверьте, что в целой Мексике нет никакого скрытого укрепленного города, ни спрятанного сокровища и никакой такой чертовщины; все это одно вранье с начала до конца. Я бы предложил вам спокойно отправиться восвояси.

Прохладный освежающий ветер начал дуть с гор, но он дул пока только порывами, потому что до ночи еще было далеко. Этот ветерок доносил до нас отрывки песни «Рори О’Мор». Вероятно, Деннис развлекал себя в одиночестве, высматривая дорогу, по которой нам предстояло ехать на следующий день. Пабло, сидя на траве и прислонившись спиной к спине Эль-Сабио, также слышал веселые звуки и принялся аккомпанировать отдаленному пению Денниса на своей губной гармошке. Оно становилось все громче – очевидно, Деннис возвращался; когда же звуки внезапно оборвались, мы подумали, что ему надоело петь или он чем-нибудь развлекался.

Однако вслед затем раздался топот быстрых, торопливых шагов; мы также вскочили на ноги и схватились за оружие, догадываясь, что Деннис бежит без оглядки, спасаясь от какой-то

опасности, и что опасность эта, вероятно, велика, потому что он вообще был не из проворных. Нас удивляло только, почему он не кричит, в предупреждение нам. Причина его молчания объяснилась десять минут спустя, когда Кирней, показавшись из-за холма, бросился на траву у наших ног, обливаясь кровью, которая была ключом у него изо рта и ноздрей, между тем как в груди торчала стрела.

– Индейцы! – с трудом прохрипел он, и кровь хлынула у него из горла ручьем; затем он прибавил слабым голосом: – но я не дал этим дьяволам захватить нас врасплох!

Эти торжествующие слова были последними, которые произнес Деннис Кирней на этом свете. Он договорил, и потоки крови потекли у него из ноздрей и изо рта, потом по телу пробежала судорога, и он скончался. Не думаю, чтобы нашлось много людей, способных на подвиг Денниса: он пробежал добрую четверть мили с пробитыми стрелой легкими и умер в восторге от того, что ему удалось предупредить товарищей.

Рейбёрн отреагировал мгновенно.

– Живо берите седла и вьюки! – скомандовал он. – Индейцы сейчас покажутся из-за холма и будут стараться напасть на караван в открытом месте. Они не придут сюда, а будут хоть всю неделю сторожить нас издали, окружив со всех сторон и выжидая, пока мы не выдержим осады и бросимся на них. А тут они и покончат с нами. Нам одно спасение – добраться до такого места в долине, откуда можно атаковать наш караван только с фронта. Там дальше должна быть вода; значит, у нас все будет под рукой и мы перестреляем их достаточно, чтобы обратить в бегство остальных. Даже открытое нападение нам легче отразить при таких условиях.

Во время этих объяснений Рейбёрн молодецки работал, как и все мы, торопливо седлая и навьючивая животных; к счастью, они стояли смирно, напившись вдоволь и наевшись до отвала, тогда как после отдыха и мулы, и лошади обыкновенно упрямятся или играют. В удивительно короткое время мы были готовы пуститься в путь. Между тем ничто, кроме предостережения Денниса, не давало знать о присутствии индейцев на сто миль в окружности. В самом деле, если б не мертвое тело товарища на земле у потухшего костра, мы могли бы подумать, что тревога была напрасна. Но печальная истина подтвердилась, когда мы навьючивали последний тюк; один из наших отомы завыл не своим голосом: стрела пробила ему ногу, а я почувствовал легкий укол на своем лбу, также слегка оцарапанном стрелой. И вот в воздухе раздался тот странный слабый свист, который сопровождает только полет множества стрел, выпущенных одновременно.

Рейбёрн положил тело бедного Денниса впереди себя, на седло, сказав:

– Будь я проклят, если эти поганые индейцы захватят Кирнея в свои руки, хотя бы и мертвого.

Мы скакали по песчаному руслу аррохо, подгоняя перед собой мулов; отомы бежали рядом во всю прыть. Раненый индеец хладнокровно отломил древко стрелы, проткнул ею себе ногу и вытащил за другой конец. Вдруг мы увидели, что Янг, немного опередивший остальных, слегка придержал свою лошадь и стал внимательно приглядываться к большому выступу скалы на горном склоне.

– Вот вам царский символ, черт его побери! – гаркнул он и прибавил: – Но на кой прах он нам теперь, когда у нас скоро сдерут кожу с головы?

И поскакал что есть духу вперед. Минувя скалу, мы все обернулись к ней; в самом деле, на камне был вырезан знак, который мы так долго искали.

VII. Битва в ущелье

Пока мы мчались по долине и уже слышали через несколько минут за собой погоню, мой ум был занят определением того, что такое люди называют страхом. Это свойство вдумываться во все, как я полагаю, во многом способствовало моему специальному знанию археологии. Мне пришло в голову, что, если б я строил город в тот момент, когда до нас долетело неприятное жужжание стрел, – царапина, сделанная одной из них на моем лбу, до сих пор причиняла жгучую боль, – я, вероятно, бросил бы постройку и обратился в бегство. И таким образом великолепный, прекрасно выстроенный город, который привел бы в восторг археологов будущего, погиб бы для человечества. Или хоть бы взять пример еще ближе: я сейчас нашел знак, который мы с товарищами искали так долго; он, несомненно, привел бы нас к самому интересному археологическому открытию, какое было когда-либо совершено. И вот, вместо того чтоб остановиться и внимательно рассмотреть этот знак, чтобы хорошенько понять его смысл, я мчался от него во всю прыть и по самой пустой причине – только потому, что куча дикарей, не имевших и отдаленного понятия об археологии, преследует меня и может отнять у меня жизнь. «Вот также, к слову сказать, неверное понятие! Ведь жизнь может быть отнята только в ограниченном смысле. Мы можем лишить жизни другого человека, но не можем отнять ее в полном смысле – лишения и приобретения для себя». – Все эти думы до того подняли у меня желчь против гнавшихся за нами индейцев, что мной овладело курьезное желание в самом деле подраться с ними и свести наши счета, убить нескольких из них. И, признаюсь, это желание возрастало при взгляде на мертвое тело Денниса, беспомощно свесившееся со спины лошади Рейбёрна.

С истинным удовольствием услышал я команду последнего остановить лошадей и приготовиться к битве. Долина, по которой мы скакали, постепенно суживалась и перешла в ущелье между высокими, почти отвесными скалами; местом, выбранным Рейбёрном для нашей остановки, был узкий овраг, начинавшийся почти под прямым углом от дороги, пролежавшей по долине. Стены оврага почти соприкасались вверху, далеко подаваясь вперед от своего подножия, так что всякое нападение сверху было немыслимо; несколько обломков скал образовали естественный бруствер для нашего прикрытия, а маленький ручей прозрачной пресной воды протекал у наших ног. Если бы это местечко было устроено нарочно для нас, оно не могло бы лучше соответствовать нашим планам; убедившись в этом, мы заметно ободрились. Хотя в горном проходе не было ни тени сходства с комнатой, но он показался мне почему-то похожим на мой прежний кабинет в Анн-Арбори и я стал мысленно повторять вступительные слова своей первой лекции, прочитанной мной, когда я был формально утвержден на кафедре высшей лингвистики. Привожу этот факт не потому, чтобы он имел малейшее значение в моем настоящем рассказе, но ради яркой иллюстрации способности человеческого ума к нелогичным сопоставлениям.

Однако я не успел внимательно обдумать этого феномена, потому что Рейбёрн принялся распоряжаться нами до того повелительно, что мне было некогда предаваться отвлеченному мышлению. Мулы, лошади и Эль-Сабио были заведены в проход, а нас разместили за обломками скал, на что потребовалось не больше минуты. Каждый держал наготове свой винчестер и револьверы; две коробки патронов были наскоро вынуты из тюков и поставлены на землю в таком месте, откуда нам всем было удобно доставать их. Пока происходили все эти приготовления, было слышно, как индейцы мчатся по долине. Мы были уже готовы их встретить, когда увидели вражеский авангард.

– Подождите немного, – спокойно сказал Рейбёрн. – Индейцы не знают, куда мы повернули, и, вероятно, станут предварительно держать совет; нам будет удобно стрелять по ним, когда они соберутся в кучу.

Готовясь к отпору, я заметил, что фра-Антонио сильно взволнован. Он был храбр по природе и его, очевидно, тянуло сражаться вместе с нами. Между тем, когда показались индейцы, он нарочно повернулся к ним спиной и ушел в глубь прохода. Даже губы францисканца побелели, на лбу у него выступили капли пота, а пальцы конвульсивно сжимались. Я догадывался, чего ему хотелось и как он боролся с собой. Если когда-нибудь человек выказал высшее нравственное мужество, так это фра-Антонио в данную минуту. Даже Янг, которого я считал неспособным оценить такой подвиг, говорил потом, что это была «самая смелая штука, какую только ему приходилось видеть».

Предсказание Рейбёрна между тем оправдалось. Индейцы остановились – но не прямо против нас, как он рассчитывал, а под прикрытием соседней скалы – и начали совещаться. Судя по их жестам, они отлично знали, куда мы скрылись, потому что то и дело указывали на наше убежище, причем я заметил в их движениях как будто страх или благоговение. Один старик особенно обнаруживал эти необъяснимые для меня чувства, горячился, жестикулировал и убеждал других. Когда же более молодые словно восстали против его распоряжений, этот человек, собрав вокруг себя более пожилых из своей шайки, удалился тем же путем, откуда пришел.

Молодые люди, предоставленные самим себе, сначала как будто колебались, но потом с громким криком, точно желая ободрить себя, бросились на нас сомкнутым строем. Когда мы увидели их прямо перед собой, то убедились, к величайшей радости, что они были вооружены только луками, стрелами и длинными копьями и что их, было всего человек двадцать. Рейбёрн подал знак стрелять. Признаюсь, мои руки дрожали, когда я нажимал курок своего ружья, и я даже несколько не удивился, что индеец, служивший мне мишенью, – высокий малый, который, по-видимому, командовал другими, – остался невредим. Зато другой – позади него – упал на землю; у меня подступил комок к горлу, а в желудке появилось препротивное ощущение, лишь только я догадался, что застрелил его. Мысль о том, как легко прервать нить человеческой жизни, так сильно поглотила меня, что я на несколько секунд позабыл о необходимости продолжать стрельбу. К счастью, другие вели себе практичнее и град пуль из ружей моих товарищей заставлял, удивляться не тому, что индейцы так и падали, убитые на повал или тяжело раненные, а тому, что некоторые из них уцелели. Восемь человек остались невредимы и наступали на нас, подвигаясь прямо на встречу пулям; ими предводительствовал высокий малый – настоящий исполин – казавшийся каким-то заколдованным от выстрелов, неуязвимым!.. Он махнул рукой, и дикари бросились на наш бруствер, стреляя и размахивая длинными копьями.

Не могу в точности сказать, что происходило в течение следующих пяти минут или приблизительно такого промежутка времени, так как один из индейцев напал прямо на меня. Мои выстрелы по нему из револьвера не причиняли ему никакого вреда, хотя я довольно удачно попадал в цель, когда упражнялся в коррале. И вот, не дав мне опомниться, он ударил меня копьем в предплечье левой руки. Рана причинила ужасную боль. Дикарь, без сомнения, целил мне в сердце и, вероятно, пронзил бы этот жизненный орган, если бы я не поскользнулся в тот момент, уклонившись в сторону. Он вытащил копье из моей руки, что снова заставило меня жестоко страдать, и, по-видимому, собирался ударить в другое место на моем теле. Это ему, наверно, удалось бы очень легко, потому что я стоял, как истукан, не принимая никаких мер к своей обороне. В самом деле, я считал себя уже погибшим и в моей голове проносилась курьезная вереница мыслей, которых я не могу привести теперь в последовательной связи. Знаю только, что я спрашивал себя, выясняются ли перед человеческим разумом в загробной жизни научные истины, понятые нами в здешнем мире только отчасти?

Однако этот интересный вопрос так и остался нерешенным; для меня еще не пробил час переселиться в вечность. Едва только индеец прицелился, – я и теперь вижу перед собой его безобразное лицо: стоит мне закрыть глаза и воскресить в своей памяти этот критический момент, – как вдруг в воздухе сверкнул какой-то блестящий предмет, голова индейца подско-

чила кверху, а туловище рухнуло наземь, точно камень. Обернувшись назад, я увидел, что моим избавителем явился Пабло, но даже и тут несмотря на свое волнение я не мог не удивиться, что оружие, которым он убил индейца, был большой зазубренный меч – если маккуа-гуитл можно вообще назвать мечом – употреблявшийся ацтеками в прежние времена. Но мне некогда было спросить мальчика, откуда он достал такую интересную штуку, потому что на меня наступал уже новый противник. Мне очень приятно похвастаться – я вовсе не хочу подавать повода думать, будто бы люди науки не годятся никуда в практической жизни – что на этот раз я расправился с врагом безо всякого содействия со стороны Пабло или кого бы то ни было. Ухитрившись поднять с земли свое упавшее ружье, я со всей силы ударил индейца тяжелым стальным дулом и разmozжил ему голову. Я знаю наверное, что обратил ее в бесформенную массу, потому что, пытаясь потом произвести над ней измерения черепных костей, должен был сознаться, что череп моего противника не годится более для краниологических целей.

Хорошо еще, что я обошелся без помощи Пабло! Он не мог бы выручить меня: ему самому приходилось плохо. Если б не поддержка с той стороны, откуда он менее всего ожидал ее, наш музыкант отправился бы к праотцам. Пабло только что сделал шаг назад, чтобы замахнуться на индейца, стоявшего с ним лицом к лицу, и не подозревал, что сзади ему грозит смертельная опасность. Между тем один раненый из шайки нападающих приподнялся с земли и встал на колени, чтобы, собрав остаток сил, нанести последний удар. Как раз в эту минуту фра-Антонио кинулся в середину свалки и прикрыл Пабло своим телом. Нож индейца только прорезал рясу монаха и слегка оцарапал ему руку, вместо того чтоб просверлить дыру между лопатками Пабло, что причинило бы нашему любимцу неминуемую смерть. Янг, стоявший рядом, видел это; он торопливо обернулся и выстрелил в упор прямо в темя раненого индейца. После того фра-Антонио опять уклонился от битвы, в которой принял такое рыцарское участие, не нанеся ни единого удара.

Для меня сражение было уже кончено, когда я так ловко разmozжил голову своему второму противнику. Ни один индеец не кидался ко мне более и, когда я осмотрелся кругом, то увидел, что они оставили меня в покое по весьма уважительной причине – со мной больше некому было драться. Двое оставшихся как раз наступали в ту минуту на Янга, но он уложил их из своего револьвера скорее, чем я успел рассказать об этом читателю. Теперь только один из нападающих оставался в живых – высокий молодой предводитель; у них с Рейбёрном происходило единоборство, которому предстояло закончить эту великолепнейшую битву, какую можно только себе представить. Противники были равного роста и оба настоящие молодцы; если Рейбёрн немного и уступал индейцу в силе, то ведь дикарь был совершенный атлет. Шансы для борьбы у них также были равны; индеец был вооружен только короткой дубиной, которую держал в левой руке, что давало ему большое преимущество, тогда как Рейбёрн, разрядив свой револьвер, отбивался его массивным дулом.

Когда я обратил на них внимание, индеец готовился сделать прыжок вперед, чтобы ударить со всего размаху; но Рейбёрн искусно отпарировал удар, защитившись ружьем, которое не выпускал из левой руки; одновременно с тем он сам ударил стальным дулом по руке противника и сломал ее у самой кисти. Дикарь взвыл от боли, но он был храбрец и, вместо того чтоб выронить дубину, взял ее только в правую руку. Но ему не пришлось больше нанести удар; в ту же минуту, Рейбёрн со всего размаха хватил его револьвером по голове; послышался глухой стук, как будто ударили в бочку. Рейбёрн отскочил назад, готовясь нанести второй удар, но индеец пошатнулся, его напряженные мускулы ослабели, и он рухнул на землю, между тем как из черепа, раскроенного от затылка до лба, брызнул мозг и хлынула кровь.

VIII. После битвы

Рейбёрн стоял с минуту, наклонившись над убитым, а потом самодовольно осмотрелся вокруг; все наши враги лежали на земле мертвые или умирающие. Инженер пошел к ручью напиться и обмыть страшную рану на лбу, нанесенную ему копьем, которое, к счастью, скользнуло в сторону.

Действительно, все мы получили раны и контузии, которым, по-видимому, предстояло еще много дней напоминать нам о только что выигранном сражении. Рейбёрн кроме раны в лоб получил сильный удар дубиной по руке; Янг был ранен ножом в икру: вероятно, кто-то из раненных индейцев, упавших на землю, угостил его таким образом; фра-Антонио получил легкий порез на руке, защищая Пабло; удар дубиной по плечу совсем парализовал мою левую руку, а голова начала страшно болеть от раны на лбу, нанесенной стрелой. Пабло, сбитый с ног ударом по голове, сильно расшибся о камни и глубоко рассек себе щеку. Несмотря на это, едва окончилась битва, мальчик первым делом сыграл на своей губной гармошке отрывок из «Рори О'Мор», желая убедиться, что его любимый «инструментито» не попортился при падении. Я полагаю, что удар по голове ошеломил беднягу и на время лишил его способности рассуждать. Сердце мое зануло при звуках ирландской песни; она живо напомнила мне Денниса, который избавил нас всех от неминуемой смерти. Если б не его рыцарский поступок, мы были бы застигнуты врасплох и перебиты индейцами, не успев нанести ни одного удара. Оба наши отомы также были убиты.

Но хотя мы очень страдали, нас утешало сознание, что мы отлично проучили врагов. Из всей шайки, атаковавшей нас, – их было восемнадцать человек, как мы узнали, пересчитывая трупы, – в живых к концу битвы осталось только двое, да и те скоро избавили нас от всякой ответственности за свою участь, потому что тут же испустили дух. Одним словом, как выразился Янг, мы взяли на себя все расходы по отправке их на тот свет.

После заключения мира (достигнутого нами прямым, довольно радикальным способом – посредством уничтожения всех наших врагов) моей первой мыслью было спросить Пабло насчет странного оружия, которым он дрался и даже, благодаря уменью владеть им, спас мне жизнь. Мальчик положил его на скалу, пробуя, цела ли его гармошка. Я тщательно рассмотрел интересный предмет и убедился, что безошибочно определил род этого оружия, пока Пабло расправлялся с моим противником. Это действительно был маккуагуитл – первобытный ацтекский меч, но не подходивший ни под одно описание этого оружия, встречавшееся мне. Маккуагуитл, описанный испанцами во время завоевания Мексики и нарисованный на ацтекских картинах, хранящихся в различных музеях, представлял деревянный клинок от трех с половиной до четырех футов длины и от четырех до пяти дюймов ширины. С обеих его сторон шли зубья, как у большой пилы, сделанные из обломков агата в три дюйма длины и два дюйма ширины; они были очень остро отточены, и потому оружие это могло наносить тяжкие раны. Меч, который я держал в руке, был сходен в главных чертах с этим первобытным прототипом, но он был короче, уже и тоньше. Всего же удивительнее было то что он казался сделанным из меди, а между тем блестел, как золото, обладая в то же время гибкостью и упругостью стали. Согнутый руками, он тотчас выпрямлялся и, несмотря на то, что Пабло рубил им что есть мочи, раздробляя кости индейцев, тонкие острия зубьев только немного затупились – тогда как острие стального меча иззубрилось бы при таких условиях, – и ни один рубец не погнулся, что непременно бы случилось, если бы оружие было сделано из меди.

Фра-Антонио тем временем возвратился к нам – несколько сконфуженный своим участием в битве, – и я поспешил показать ему странное орудие, найденное таким странным образом; по словам Пабло, он расстрелял свои заряды из револьвера и, не имея времени вновь зарядить его, осмотрелся вокруг и увидел блестящий меч в расщелине скалы; он торопливо

взял его и тотчас пустил в дело, ударив им индейца, который хотел заколоть меня копьем, а потом расправился еще с двумя нападающими.

Фра-Антонио обладал большим запасом практических сведений по части археологии, чем я, потому что отлично знал многие мексиканские музеи, где хранятся образцы первобытного вооружения. Таким образом, я думал, что ему приходилось уже видеть такие любопытные маккуагуитлы, как тот, который был найден Пабло. Но мне было хорошо известно, что ни в одной книге не упоминалось, чтобы это оружие изготовляли из металла. Между тем фра-Антонио еще больше моего удивился необычайной находке и, вероятно, даже больше ей обрадовался, так как этот металлический маккуагуитл, – предполагая, что он относится к древним, временам, – решал в его пользу наш спор, который мы недавно вели между собой. Я держался остроумной теории моего друга Банделье, доказывавшего, что зубчатое острие ацтекского меча было случайностью, так как прежде оно состояло из цельной полоски агата, а потом искрошилось от употребления. Фра-Антонио между тем твердо держался общепринятого мнения, что первобытное оружие было таким, как я описал его сейчас.

Впрочем, и теперь я спорил, что меч, найденный Пабло, не был античным; я подтвердил, свои слова, опираясь на следующий факт: хотя ацтеки до испанского завоевания и употребляли медь и золото, но не имели понятия ни о бронзе, ни о стали. Можно представить себе мою досаду, когда фра-Антонио окончательно разбил мои аргументы, доказав, что так как это оружие сделано не из бронзы и не из стали, то, значит, я опирался на ложные данные, а потому мои выводы не согласуются со здоровой логикой. Боюсь, что я даже погорячился по этому поводу, так как францисканец доказывал свое, а мне его настойчивость казалась пустым упрямством. Таким образом, мы стояли на поле битвы, усеянном трупами индейцев, и рассматривали ацтекский меч. Пожалуй, наш спор затянулся бы надолго, если б Янг – с добрым намерением, конечно, но не особенно вежливым образом – не взял на себя труда прекратить на время наши пререкания.

– Я не знаю точно, профессор, о чем вы там стрекочете с падре, – прервал он нас, – но, насколько я понял, дело идет о вещах, происходивших три или четыре столетия назад. Я не желал бы помешать вам, разумеется, но падре мне нужен; он смыслит кое-что в хирургии, как я заметил в прошлый раз, когда он вытащил колючку кактуса из руки Пабло; пускай же он попробует сделать что-нибудь с дырой в моей ноге. Я ничем не могу остановить кровь, да и боль в моей ране дьявольская. Полагаю, что Рейбёрн также будет очень рад, когда ему наложат новую повязку на раненый лоб.

Надо отдать справедливость фра-Антонио, он отнесся очень добродушно к бесцеремонному поступку Янга; что же касается меня, то мне было ужасно досадно на него: он так некстати прервал наш спор! Но, когда я объяснил францисканцу, чего желает Янг, тот очень осторожно и ловко перевязал ему рану, потом наложил бинты на голову Рейбёрна и на щеку Пабло. Последний воспротивился было этому, так как повязка временно лишила его удовольствия играть на губной гармошке. Мне не понадобилось никакой врачебной помощи. Фра-Антонио тщательно ощупал мое плечо и помахал моей рукой, что причинило мне жестокую боль, и наконец заявил, что у меня все кости целы и даже нет ни малейшего вывиха.

Рейбёрн также с большим интересом рассматривал найденный меч.

– Конечно, это не бронза, – сказал он, – и не может быть фосфорной бронзой. Но если б такая вещь была возможна в металлургии, я сказал бы, что это – золото, обработанное по какому-нибудь неизвестному нам способу, который придавал ему такую же твердость, какую получает бронза, обработанная с помощью фосфора; но тут должно быть также какое-нибудь химическое изменение в составе металла, придающее золоту качество каленой стали. Ничто, кроме золота, – прибавил инженер, – не может оставаться долгое время на открытом воздухе, не подвергаясь окислению.

– А почему бы не допустить, что эта странная штука принадлежит народу, который мы отыскиваем? – спросил Янг, хладнокровно выразив мысль, давно засевшую у меня в голове. Если б это было так, я охотно согласился бы, что фра-Антонио прав относительно форм ацтекских мечей. Слова Янга напомнили мне также символ царя, найденный нами на скале во время торопливого бегства и тотчас же снова потерянный. Я вернулся к этому предмету и наговорил много нелестного по адресу индейцев, помешавших нам следовать по дороге, которую мы отыскивали с таким трудом. Теперь она была найдена, но, вероятно, главные силы индейцев сторожили нас внизу долины, что мешало нам вернуться на место, где мы заметили условный знак, чтобы затем систематически продолжать свои поиски.

– На вашем месте, профессор, – сказал Янг, когда я закончил, – я бы не стал так сердиться на этих бедных индейцев за то, что они сделали. Правда, они убили Денниса и с их стороны это большая подлость, потом они отправили на тот свет наших обоих «мосо», да и нас остальных поколотили достаточно. Но ведь и мы не остались у них в долгу, перебив восемнадцать человек – по шести на каждого из наших убитых. Теперь, я полагаю, мы квиты. А вот если б не нападение индейцев, то мы никогда не попали бы в эту долину и не открыли бы царского символа на скале.

– А что толку в том, что мы его открыли, если нам нельзя следовать по этому пути? – спросил я. – Мы не можем вернуться назад рассмотреть этот знак, не рискуя жизнью, а пока мы не рассмотрим его, нельзя знать, где находится другой, и таким образом путь для нас потерян.

– А я вот только хотел убедиться в одном, – заговорил Янг, – неужели меня одного из всей нашей компании Всемогущий Господь одарил парой глаз? Между тем выходит так. Допустим, профессор, что вы сейчас повернетесь назад и взглянете на то место, где видна коричневая черта на выступе скалы; допустим, что и остальные из вас сделают то же. Уж если это не царский символ, видный ясно, как нос на человеческом лице, я готов съест всех мертвых индейцев в этом ущелье.

Янг говорил правду. Как раз над расщелиной, где Пабло нашел меч, виднелась фигура, до того глубоко вырезанная в скале, что ее не могла стереть рука целых столетий; она выступала на камне вполне определенно и ясно. Это был тот самый рисунок, который начертили, фра-Франсиско в давно прошедшие времена на страницах своего письма, адресованного настоятелю. И та же самая фигура повторялась па несравненно более древней золотой монете. Под ней на скале была вырезана стрела, указывающая прямо в ущелье.

Такое счастливое открытие, по крайней мере, развеселило нас. Смерть Денниса и обоих отомы да и наши собственные раны и тяжелое чувство, какое испытывает после битвы всякий нежестокый по природе и нежесточенный человек, томили нам душу.

Но тут было отчего развеселиться. Мы не только нашли настоящий путь, но, кроме того, он шел именно по тому направлению, куда мы сами хотели двинуться. Спуститься в долину на открытое место было слишком опасно; индейцы по необъяснимой причине не захотели атаковать наш караван в ущелье, наверно, поджидали его в другом месте. Нашим единственным спасением было бегство в горы, и знак ацтеков на скале обещал вывести нас на дорогу. Поэтому мы собрались проникнуть как можно дальше в глубь ущелья, прежде чем настанет ночь. Индейцы, очевидно, из какого-то суеверия избегали приближаться к этому месту и их спасительный страх должен был возрасти, когда они увидят, что мы перебили их товарищей всех до единого человека. Тела наших бедных отомы мы положили в глубокую впадину в скале и завалили их камнями, пока фра-Антонио читал над ними погребальные молитвы. Но тело Денниса мы взяли с собой, желая предать его земле более приличным образом, в благодарность за то, что он спас нам жизнь, не жалея последних сил и сознавая, что сам он погибнет. Что же касается восемнадцати убитых индейцев, которые сами навлекли на себя такую печальную участь, то мы вовсе не заботились о них, предоставив их тела на съедение койотам.

IX. Пещера мертвецов

Грустный вид представляла наша процессия, осторожно подвигавшаяся через дикую тропу. Впереди шел Рейбёрн, ведя в поводу свою лошадь с распростертым телом Денниса. А мы, израненные и измученные, медленно и с трудом пробирались за ним, оставляя за собой искалеченные тела убитых индейцев, лежавшие в неестественных позах у входа в ущелье. В наступивших сумерках эта картина выглядела еще отвратительнее и фантастичнее. Действительно, ночь настигла нас и, если бы ущелье не выходило на восток и на запад, мы очутились бы в совершенных потемках. Теперь же, хотя горизонт и замыкался с запада большой грядой гор, вечерняя заря освещала наш путь красноватым отблеском: таким образом мы пробирались по берегу ручья, между массами диких скал и древесных стволов, упавших сверху.

Однако наш путь кончился раньше, чем мы рассчитывали. Сделав немного более поумили по этой невозможной дороге, мы наткнулись на стену, совершенно замыкавшую ущелье до самого верху. Сердце у нас упало; мы убедились, что зашли в такое место, откуда нет выхода; нам можно было только вернуться назад, а вернуться – значило попасть прямо в когти неумолимой смерти, подстерегавшей наш караван в виде мстительных индейцев. Двигаться же дальше не было возможности; очевидно, царский символ, вырезанный на скале при входе в ущелье, оказывался бесполезным или был помещен здесь нарочно, чтобы сбивать неопытных странников с настоящей дороги.

В надежде найти крутой поворот, незаметный издали, мы поспешили дальше до самого конца ущелья, пока не наткнулись на темную стену, заграждавшую нам путь и поднимавшуюся очень высоко. Тут мы нашли не поворот в ущелье, а узкое отверстие в самые недра горы, откуда вытекал ручей. Сначала мы колебались войти в эту черную пасть – кто мог сказать нам, какие пропасти, невидимые в этом непроницаемом мраке, могли поглотить нас с первых же шагов? Рядом, в ущелье, было навалено много лесу: сучья и деревья лежали на земле; Рейбёрн тотчас соорудил из этого подходящего материала громадный факел. О том, чтобы зажечь его в открытом ущелье, не могло быть и речи; хотя мы были почти уверены, что ватага наших врагов не преследовала нас, но кто мог поручиться, что это так? А, может быть, они шли за нами по пятам и теперь были готовы осыпать нас тучей стрел и копий? Рейбёрн, однако, зажег восковую свечку – мы запаслись этим отличным предметом мексиканского производства в большом изобилии – и двинулся в узкий проход, а за ним последовали и мы. При слабом свете свечки мы с трудом рассмотрели стены направо и налево от входа и поняли, что попали в пещеру. Но, прежде чем нам удалось немного осмотреться, свечка погасла, задутая внезапным порывом ветра, и мы очутились среди глубокого мрака. Между тем воздух здесь был необыкновенно приятен и свеж; очевидно, пещера, куда мы попали, была обширна и имела не один выход, в чем убедил нас чувствительный поток воздуха, стремившийся от входа в глубину. Когда Рейбёрн зажег другую свечку, чтобы засветить факел, мы все стояли на прежних местах, внутренне содрогаясь среди такой зловещей обстановки.

Но едва запылало пламя факела, заливая трепещущим багровым светом высокий свод и стены пещеры, как мы почувствовали уже вполне определенный и сознательный страх. Грот оказался почти круглым и на его дальнем конце, прямо против входа, поднималась грубо обтесанная каменная глыба с громадной каменной фигурой на ней – совершенно похожей на фигуры в мексиканском национальном музее, которым Ле-Плонжон, нашедший одну из них в Чичен-Итца, дал имя Чак-Мооль. Однако нас заставило содрогнуться от страха не это неподвижное каменное изваяние, а вид более сотни индейцев, сидевших с поджатыми ногами полукругом в несколько рядов против безобразного идола. Вспомнив, что наши ружья остались у входа в пещеру, а при нас были одни револьверы, мы не на шутку струсили.

Но это было только на минуту. Индейцы, нимало не потревоженные нашим присутствием и внезапно вспыхнувшим светом, точно застыли в немом благоговении перед своим божеством. Рейбёрн опомнился первый и положил конец нашему страху, воскликнув:

– Ну, эти нам не опасны. Каждый из них мертв, как Юлий Цезарь. Мы открыли индейское кладбище.

Теперь нам стало понятно, почему большая часть дикарей, напавших на нас, вернулась назад, когда мы остановились у входа в ущелье, которое вело в эту обитель смерти. Впрочем, когда мы всмотрелись ближе в своих молчаливых собеседников, то нам показалось, что они перенесены сюда не в современную эпоху. Чем больше фра-Антонио и я вглядывались в их одежду и позу перед идолом – несомненно, принадлежавшим к первобытным временам, – тем более мы были склонны думать что этот склеп относится к чрезвычайно отдаленному прошлому. Но в данную минуту для нас было все равно, откуда взялись эти остовы, благо мы были в полной безопасности, пока находились здесь.

– Ладно же, – заметил Янг, когда мы пришли к этому утешительному заключению, – если нам тут нечего бояться, то расположимся поудобнее и подкрепим свои силы. Давайте принесем сюда наши выюки, распакуем их, а потом разведем огонь и приготовим ужин. Драка с индейцами имеет свойство развивать большой аппетит, и мне кажется, что я не ел целую неделю.

Эти слова были настолько разумны, что мы согласились с ними.

Однако трудно показалось нам – израненным и больным – развязывать веревки выюков, а еще труднее – набрать топливо для костра. Но мы кое-как справились с этой работой и ужин среди такой необычайной обстановки значительно подкрепил наши силы. Мы даже шутили за едой, хотя в глубине пещеры, освещаемой неровным отблеском пылающего огня, лежало тело бедняги Денниса перед древним языческим алтарем, а сейчас позади нашей компании тянулись длинные ряды человеческих остовов. Порой меня даже удивляло, как это мы можем есть в таком мрачном обществе. Но после того как человек сейчас только проливал кровь своих близких и сам подвергался риску расстаться с жизнью, он становится равнодушен к великой тайне смерти. Пока огонь костра трещал и вспыхивал, распространяя отрадную теплоту, приятно согревавшую в этом сыром и холодном месте наши ноющие больные члены, у нас на душе как будто немного просветлело. Когда же аромат крепкого кофе, смешиваясь с запахом тушеного мяса, дал нам знать, что стряпня Янга приходит к концу, мы почувствовали сильнейший аппетит, а когда добрались наконец до кушаний, то стали даже смеяться. К чести фра-Антонио надо заметить, что его возвышенная душа не унизилась до животного довольства, которым открыто наслаждались все мы, прочие, и которое, я полагаю, проистекало из сознания, что наши тела еще не скоро обратятся в прах, откуда они взяты. Молодой францисканец сидел за ужином молча, но его нежное лицо было до того кротко, выражало столько доброты, что это молчание не служило нам упреком. А когда мы встали и растянулись на своих одеялах против костра, закулив трубочки, монах мягко напомнил нам, что мы должны еще отдать последний долг усопшему товарищу. Погребальный обряд над Деннисом в таком странном месте погребения самым удивительным образом заканчивал жизненную карьеру этого человека. В мелком сухом песке, покрывавшем пол пещеры, как раз против алтаря со статуей идола, вырыли мы могилу Кирнея – с большими усилиями и большим трудом, потому что все наши кости болели. Пока мы работали, два больших факела пылали на алтаре, прислоненные к каменной фигуре; длинные подвижные полосы света тянулись от них через ряды скелетов, сидевших вокруг. Мерцающее пламя факелов заставляло сверкать их белые зубы, точно они смеялись над нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.